Грани сумерек

Автор:
Андрей Васильев

Грани сумерек

Андрей Александрович Васильев

Отдел 15-КА.Смолин, ведьмак #8

Обычно возвращение домой после долгих странствий на чужбине приносит радость и душевный покой, а также сулит спокойный и славный отдых. Но то у нормальных людей, к Александру Смолину подобное не относится. Он ведьмак, потому на легкую жизнь рассчитывать не приходится, тем более что многие из тех, кто сделал его частью своих далеко идущих планов, являются особами непростыми и влиятельными. Впрочем, это не означает, что Смолин примет правила чужой игры и станет делать то, что ему скажут. А это значит одно – впереди его ждут веселые и очень жаркие во всех отношениях летние деньки.

Андрей Васильев

Грани сумерек

Все персонажи данной книги выдуманы автором.

Все совпадения с реальными лицами, местами, банками, телепроектами и любыми происходившими ранее или происходящими в настоящее время событиями – не более, чем случайность. Ну, а если нечто подобное случится в ближайшем будущем, то автор данной книги тоже будет ни при чем.

Глава первая

– Алконоста ни разу не видал. И Сирина тоже, врать не стану. А вот с Гамаюном как-то беседу вел, да. – Карпыч посолил кусочек черного хлеба и аппетитно начал его поедать. – Она в моей реке, понимаешь, решила крыла свои сполоснуть. Устала, видать, вот и остановилась на дневку.

– Она? – изумился я. – А я думал, что Гамаюн – он!

– Нет, точно она, – заверил меня водяник. – Потому как стервь редкая. Я-то думал, вещая птица, власть над судьбами имеет, самого Рода помнит. Шутка ли! И что? Да большинство моих русалок по сравнению с ней девицы невинные. Ну, кроме Лариски, само собой. Все этой пернатой не так, все ей не эдак. И почтения, видите ли, не оказали достойного, и вода в речке мутновата, и камыш шумит слишком громко. Тьфу!

Мой собеседник взял печеную, но уже остывшую картофелину, разломил, сдобрил ее солью и отправил одну из половин в рот. Горячую еду, только из костра, водяник по ряду причин есть не мог, потому всегда ждал, когда та достигнет, скажем так, комнатной температуры.

Но при этом против того, что я всякий раз, еще со времен нашего первого знакомства, на берегу раскладываю костерок, ничего не имел. Может, Карпычу нравилось то, что жаркое пламя не может причинить ему никакого вреда и в результате будет потушено водой именно из его реки, может, еще чего – не знаю.

– А что у тебя за интерес к этой троице? – уточнил водяник, прикончив картофелину. – Нездоровый, я бы сказал.

– Почему так?

– Вещие птицы не лучшие собеседники, в первую очередь оттого, что им на кого-либо другого, кроме себя самих, плюнуть и растереть. Они не добрые и не злые, они равнодушные. А когда тому, с кем ты общаешься, едино что да как – добра не жди. Вот враг – с ним все понятно, он тебя ненавидит и хочет убить. Стало быть, сделай все, чтобы он умер первым. Вот друг – с ним тоже ясность

присутствует. Иногда, конечно, случается такое, что друг врагом становится, а враг другом, но и это – жизнь. А Сирин, Гамаюн да Алконост – они не живые и не мертвые. Они… Слово-то не подберешь.

– Никакие? – предложил я.

– Во-во, – закивал водяник. – Никакие они. Нет в них чувств. Хотя, конечно, иные умельцы какой-никакой прок от них получали, слышал я про это. Проклятия снимали, удачу подманивали, а один ухарь даже умудрился нить своей жизни поменять.

– Чего поменять? – уточнил я.

– Вещие птицы, все трое, раньше, в старые времена, обитали при доме Макоши, – пояснил мне водяник. – Том, что в Прави стоял, у подножия великого дуба, коей еще сам Род посадил. Они, стало быть, песни пели, а Макошь сидела у окна да знай пряла свою пряжу, и каждая ниточка в ней – судьба людская. Какая покрепче, какая потоньше. Ну а как порвется ниточка, так и все, понесли человека на погост. Вот один удалец и умудрился при помощи Алконоста свою нить на чужую подменить, ту, которая потолще да подлиннее. Ловок был, видать, подлец, да смекалист. Нет, все одно помер, конечно, но годков от чужого прядева отхватить смог немало. Ну, если, конечно, сам себе после не подгадил, глупостей не наделал. Нить нитью, но все от человека зависит. Жизнь и судьба – это разные вещи.

– А что потом с Макошью стало? – заинтересовался я.

– Откуда же мне знать? – хитро глянул на меня Карпыч. – Мне путь что в Правь, что в Навь заказан. Мой дом – река, я от нее никуда. Если чего и знаю, так исключительно то, что ветер да вода расскажут. Но, думаю, отправилась Макошь в те же неведомые края, куда и все остальные ушли. Или вовсе померла. Боги – они, конечно, не люди, но тоже, поди, мрут? За каждым из нас раньше или позже придет незваная гостья.

– Лучше бы позже, – заметил я.

– Так говорю же, ведьмак, все от нас самих зависит. Поступай по уму да по совести, думай, прежде чем чего-то сделать, и тогда судьба, глядишь, тебе

воздаст за то награду. А коли нет – так и не жалуйся. Вон видишь, Лариска довольная какая нынче? Аж светится вся, как та Луна.

Это да, вредная русалка, которая не так давно чуть Вику не утопила, нынче была весела невероятно. Она брызгалась водой в подружек, крутившихся в воде рядом с ней, заливисто смеялась и даже вроде как похорошела.

– Вижу, – подтвердил я. – И с чего это у нее такое настроение хорошее?

– Так жизнь людскую она нынче взяла, – пояснил мне Карпыч. – Часа два назад, аккурат после того, как солнце село, дурачка молодого на дно утащила.

– О как, – я глянул на резвящуюся неподалеку речную деву.

– Так ее время – ее право, – пояснил водяник. – Русальные недели, парень, никто не отменял. Даже если вы, люди, про них забыли.

– Незнание закона не освобождает от ответственности, – пробормотал я.

– Да если бы незнание, – поморщился старичок. – Не поверишь, года не было, чтобы какой-нибудь остолоп или, того хуже, дуреха не полез ночью в реку со словами «Сказки это все». И нынешний такой же. Сидел он в компании таких же олухов, кто-то вслух и скажи, что на этой неделе купаться никак нельзя, и не потому, что вода холодная, а так как, по народным преданиям, русалка за ногу может на дно утащить. Этот сразу подхватился и давай орать, что все это ерунда, а после портки скинул и в воду полез. Даже не перекрестился. Толку от того не было бы, но все же… Само собой, Лариска такого шанса не упустила, она у меня хваткая. Ей и в обычное время человека загубить в радость, а уж во вторую-то русальную неделю! Квартирует теперь этот обалдуй на дне, травой оплетенный и песком присыпанный. И еще три дня лежать будет, до самого, значит, конца Русалий.

– А потом?

– Потом отпущу, на что он мне сдался? С такого утопленника проку нет, не я его прибрал, а девки мои, то серьезная разница. А главное что? Летняя жертва реке моей принесена, вода этот год в ней будет чистая, рыбе переводу не

предвидится. А парня пусть найдут, родне отдадут да похоронят, как у людей водится. Мы тоже понимание имеем о том, что хорошо, а что нет.

Ну, насчет чистой воды и множества рыбы Карпыч явно погорячился. Старыми категориями мыслит мой мокрый приятель, не берет в расчет реалии сегодняшнего дня. С полей удобрения в реку смоют или завод какой в верховьях поставят – и ни один ритуальный утопленник не поможет.

– Вот еще бы кто петуха черного мне поднес, свернул ему шею да в реку бросил с нужными словами, – многозначительно глянул на меня водяник. – Тогда бы и вовсе все честь по чести сладилось.

– В принципе, можно, конечно. – Я подмигнул молоденькой русалке, которая подобралась почти к самому берегу. Если не ошибаюсь, звали ее Стеша. – Вот только где мне еще этого черного петуха отыскать? Соседки мои кур не держат, а вокруг в основном дачные поселки. Там у людей не то что живности, но и огородов особо не сыщешь. Куда ни глянь, одни альпийские горки и барбекю.

– А ты поищи, – вкрадчиво попросил Карпыч. – За мной не пропадет, обещаю.

– Забыли все давно про дары реке, – подала голос Стеша и принялась расчесывать волосы синим гребнем, который я ей же и подарил. – Толку-то – бросай того петуха в воду, не бросай.

– Тебя не спрашивали! – рявкнул на нее водяник. – Цыц! А то отправлю сейчас народившихся щурят считать, сколько их в моей речке ни есть.

– Ой, да сколько там их! – фыркнула русалка. – Вы об тот год, батюшка, Сомычу, что под Рузой обитает, почти всю свою щуку проиграли в зернь. Или забыли? Мы еще с Галинкой по осени ему ее перегоняли по рекам. Помню, в одной, совсем мелкой, я себе все пузико о камушки расцарапала!

– Верно, было, – тяжко вздохнул Карпыч. – Сначала-то игра хорошо шла, я у него всю молодь карпов выиграл и еще кое-что по мелочам. А потом как отрезало! И приобретенное потерял, и своего еще прибавил. Щуки этот год у меня почитай что и нет, чистить реку от больной рыбы самому придется.

Ну да, верно. Если волк – санитар леса, то щука – неотложка водоема. Это только в мультфильмах она ест все, что в пасть попадает, а на деле в основном хворую рыбу в пищу употребляет. Природа гармонична, все в ней сбалансировано. Кроме, понятное дело, вмешательства человека, его пагубное влияние на экосистему тот, кто творил мир, не предусмотрел.

И все-таки любопытно, вот зачем Карпычу было нужно, чтобы я его реке жертву принес, а? Какой у него в этом был интерес? И ведь не узнаешь, не расскажет мне этого хитрый повелитель местных вод.

Потому и я обещать ничего пока не стану. Вот посоветуюсь с Антипом, который в таких вопросах хорошо понимает, а там видно будет.

– А тебе вещие птицы-то зачем? – вернулся к первоначальной теме нашего разговора водяник. – Хотя… Знаю. Догадался. Ты же про Алконоста спросил, а он, стало быть, проклятия снимать может. Девку, стало быть, хочешь освободить, ту, что мои недотепы тогда не потопили. Так ведь?

– Не то чтобы прямо хочу… – уклончиво ответил я. – Но в целом на эту тему размышляю.

– Дурная идея, – качнул головой мой собеседник. – Никудышная. Не сыскать тебе Алконоста, а коли и свезет, то все одно он с тобой разговаривать даже не станет. Мы все – и ты, и я, и ведьмы вон, и Ермолай, пенек лесной, – повязаны одной ниточкой. Мы под Луной живем, нам друг от дружки все время что-то надо. Ты мне вот петуха в реку бросишь, а я тебе, если что, как-то по-другому помогу, случись такая нужда. Да и у людей все так же устроено, сам же знаешь. А вещим птицам ни от кого ничего не надо, а потому они никогда никому и помогать не станут. Смерти для них нет, власти да славы они не желают, врагов не имеют. Им даже есть не надо, во как! Вот и выходит, что тут баш на баш не получится договориться, а по-другому в этой жизни не бывает. Ну, я про такое не слыхал, по крайней мере.

– Да ладно, как не бывает? – засмеялся было я, а потом понял – прав Карпыч. И вправду не бывает. Даже самые бескорыстные вроде бы поступки все равно под собой какую-то почву имеют, пусть иногда даже неразличимую, а то и вовсе изначально неосознанную. Союз двух любящих сердец, в день свадьбы трогательный и романтичный, рано или поздно перерастает в состояние «с меня

уют, с тебя обеспечение быта», безвозмездное пожертвование бизнесмена сопровождается возвратом НДС, налоговыми льготами и хвалебной публикацией в прессе, а спасение тонущей девушки из воды завершается вручением медали и неизбежным внутренним самолюбованием. И нет в этом ничего плохого на самом-то деле. Так устроен мир. И так устроены мы.

А на мне, любимом, тут и вовсе клейма ставить негде. Не то чтобы я без мзды не чихнул, конечно, но перед тем, как с кем-то ударить по рукам, непременно прикидываю все убытки и прибыли, которые мне сулит заключаемый договор. И запросто могу сказать «нет», если первое превышает второе. Прошли те времена, когда я сначала обещал, а потом пытался понять, зачем это сделал. Вот хоть бы как сейчас.

– Всегда в любом деле есть у каждого свой интерес, – упрямо повторил старичок, прямо в тон моим мыслям. – Хоть какой, но присутствует, на том мир стоит с начала времен. А тут-то вон как выходит: у тебя он есть, а у Алконоста – нет. А без интереса и договора нету. Если только совсем уж свезет, но я бы не стал на такое рассчитывать. Только не это даже главное. Ты, парень, вспомни, что я тебе говорил об прошлый раз, ей-то оно самой надо? Может, ей без той напасти, которую пращуры через свою кровь передали, жизни не станет? И тогда она тебя не благодарить да целовать станет, а, наоборот, проклянет. Или вовсе убьет. Я ее видел, такая может. Да что там, есть на ее руках кровь, я это сразу понял. Есть. И немало. А еще души у нее самая малость осталась, только разве что на себя ее хватит, да и то сомнительно. Что если проклятие уйдет, а перед тем эти остатки выжжет?

Может, и так, может, прав Карпыч. Только вот почему тогда почти бездушная Вика позвонила мне в ту беспокойную ночь, когда я одним махом два дела закончил – отправил к Моране одну из беглых душ и вытащил из Нави душу Ряжской? Мало того, или я ничего не понимаю в интонациях, или все-таки она была изрядно и неподдельно встревожена.

Ее звонок застал меня в машине, когда я ехал домой. Позади осталась клиника Носова вместе с ее владельцем, который в очередной раз попробовал подъехать ко мне на кривой козе с коммерческими предложениями, Ольгой Михайловной, которая усиленно пыталась понять, что же все-таки произошло и почему вокруг нее царит такая суета, и ее супругом, который, явно пересиливая себя, все же пожал мне руку. Ну и еще начальником его безопасности, одарившим меня очень недобрым взглядом. Само собой, он меня этим не напугал, но над чем подумать

тут есть. Просто в нем читалась не столько нелюбовь ко мне как к потенциальной угрозе его принципалам, сколько недовольство человека, планы которого потерпели некое фиаско. Я, конечно, не бог весть какой физиономист, до той же Генриетты мне далеко, но некоторые эмоции, даже те, что человек пытается спрятать, считывать с людских лиц все же могу.

Антон явно был недоволен моим вмешательством в случившееся, а еще больше тем, что я в своих устремлениях преуспел. Вопрос – с чего бы так? И по какой причине ему Ольга Михайловна, пребывающая в коме, милее ее же, но в активно жизненной ипостаси?

Есть над чем подумать. Но не сейчас. А может, и вовсе не мне. Сдам его той же Ряжской, и пусть она сама разбирается со своим персоналом. Вряд ли этот Антон станет сводить со мной счеты за оживление хозяйки, это просто нерационально.

Ну, а после того, как на экране смартфона замерцала надпись «Викуся-красотуся», так и вовсе все эти семейные тайны Ряжский у меня из головы вылетели.

– Саш, с тобой все в порядке? – спросила она у меня. – Мне ребята сейчас рассказали, что случилось, что призрак тебе руку поранил. Саш, это очень серьезно, я знаю, насколько опасны такие раны. Просто приходилось видеть, чем подобное заканчивается.

– Все уже в порядке, – успокоил я ее. – Не переживай. То, о чем мы говорим, штука, конечно, неприятная, но если вовремя принять необходимые меры, то ничего страшного не случится. Я принял.

– А если поподробнее? – потребовала девушка. – Что ты сделал?

– Есть у меня одно зелье, вот его и использовал.

– Что за зелье? – продолжила настырничать сотрудница отдела.

Я перечислил ей список ингредиентов, отметив при этом то, что оба сотрудника Носова, которые сидели впереди, очень внимательно слушают то, что я говорю. Разве что только не записывают произнесенное. Хотя… Хрен знает. Может, и

записывают.

– Ого, – произнесла моя собеседница, когда я замолчал. – Сам такое варил?

– Ну а кто еще?

– Молодец. Только вот одно – травы в нем сильные, но очень жестокие. Тебе, наверное, больно было?

– Не то слово, – признался я. – Чуть в голос не заорал. Живой огонь, по-другому не скажешь.

– Бедный, – вздохнула Вика. – Ну ладно, если ты цел, то хорошо. И извини за поздний звонок.

– Звони хоть когда и хоть во сколько, – произнес я. – Мне тебя всегда слышать в радость. А то, хочешь, приезжай в мою загородную резиденцию, я сегодня туда отбываю на недельку. Поход на реку не обещаю, но зато, может, первыми дарами земли побалуемся. Родька у меня мастак по экспроприации редиски у соседок. Да и земляника вот-вот пойдет.

– Спасибо за приглашение, но я все же откажусь, – помолчав, ответила мне Виктория. – Не надо этого. Ни к чему. Ты лучше свою новую приятельницу пригласи.

– Какую новую приятельницу? – слегка опешил я.

– Ту, которой твои соседки сами редиски отсыплют. По причине родства душ.

И трубку повесила.

Это она Ваську имела в виду, надо полагать. Только вот сомневаюсь я, что Дара и ее товарки этой милашке хоть что-то, кроме могильного камня, подарят. Нет там никакого родства душ, неоткуда ему взяться. Но сам факт подобной реакции мне был приятен. Если это не ревность или хотя бы ее подобие, то что?

Дома все было точно так же, как тогда, когда я из него уезжал: тихо, темно и покойно. Под креслом похрапывал Родька, а на кровати, раскинувшись звездой, дрыхла голенькая Маринка. И только одно меня в этой душеспасительной картине не устраивало – Мара, которая вновь приняла вид маленькой девочки. Она сидела на краешке кровати, гладила по волосам мою соседку и, такое ощущение, что принимала для себя какое-то решение. Впрочем, почему «какое-то»? Вполне понятное и предсказуемое. Но крайне сложно реализуемое, по крайней мере пока я жив.

– Не надо, – шепотом произнес я. – Повторяю, она не для тебя. Давай не станем ссориться.

– Все же успел выбраться? – глянула на меня Мара, из глаз которой наконец-то ушла чернота. – Хорошо. Я уж думала, мне конец.

– Тебе? – удивился я. – Ты оттуда улепетнула с такой скоростью, что тебя бы даже «Тополь-М» не догнал.

– Тополь не летает. Тополь – это дерево, – улыбнулась Мара, причем я заметил, что у нее пары зубов во рту не хватает, как и бывает у детей такого возраста. Впрочем, улыбка на лице не задержалась, следом за тем ночная гостья посерьезнела. – Узнай госпожа, что я тебя там оставила один на один с Полозом, мне бы не поздоровилось. А она бы узнала, можешь не сомневаться. Ладно, ты мне главное скажи…

– Пошли на балкон, – предложил ей я. – Если мы сейчас разбудим вот эту спящую красавицу, то беседе нашей конец. Уж поверь, я ее знаю.

– Пошли, – согласилась девчушка.

И все-таки я в самом деле, похоже, окончательно перешел на ночной образ жизни. Ведь до чего дело дошло – мне уже кажется нормальной мысль о том, что спать я лягу с рассветом.

– Он тебя видел? – еще раз переспросила Мара. – Или нет?

– Понятия не имею. Я его точно нет. На самом деле очень хотелось обернуться, прямо словно кто-то в голову эту мысль впихивал. Но мне хватило ума этого не сделать.

– Значит, не видел, – облегченно произнесла Мара. – Хвала Чернобогу! Навь не этот мир, где все просто и понятно, где каждый может смотреть на каждого тогда, когда ему заблагорассудится. В тамошних туманах разглядеть лики своих врагов и, бывает, даже друзей не так легко. Так что это он, Великий Полоз, подбивал тебя развернуться. Сделай ты это – и все, он бы знал, кто ты есть такой.

– Он и так, по ходу, знал, – заметил я. – Не имя, но, скажем так, социальную принадлежность. Он меня ведьмаком назвал.

– Так это для него не секрет. Он давно тебя почуял, с той поры, как наша госпожа проснулась. Почуял и запомнил. Но пока мост через Смородину разрушен, он бессилен. Никак ему до тебя не дотянуться – ни мыслью, ни взором. А тут ты сам, почитай, к нему в гости нагрянул. Навь, конечно, не вотчина Полоза, но среди туманов сильнее его, пожалуй, никого не сыскать. Тени мертвых – они только тени, ни добра, ни зла от них не жди, всякую мелочь, вроде зарянников, можно не считать. Есть еще князь Брячислав, который от веку по Нави со своей дружиной скитается, но только о своей потерянной душе и думает, ему до старого змея дела нет. Ну а такие, как я, если туда и приходят, то ненадолго. Навь – она как болото, чуть остановился – и все, сначала ноги увязнут, а там, глядишь, и с головой серая муть накроет.

– Хорошо, что ты мне это все только сейчас рассказала, – сообщил девочке я. – Мне и так под конец страшно стало, а знай я эту информацию раньше, то и вовсе бы, наверное, в штаны наложил.

– Ты бы не наложил, – уверенно заявила Мара. – Ты не такой. Но вот сгинуть мог запросто, получи Полоз то, чего хотел. Или в слуги его попасть, появись у него такая мысль. Ты же госпоже клятву верности не дал, длань ее не целовал, потому вроде как сам по себе, вольный воин. А значит, можешь смело выбирать, кому служить. Так что, может, он тебя и не левым клыком цапнул бы, а правым.

– А какая разница?

– Если он левым клыком человека ранит, тот, считай, все, помер. Нет от яда Великого Полоза спасения. Боги и те не помогли бы даже тогда, когда они еще в силе находились. Ну, кроме Рода, наверное, тот все мог. А вот если правым – у человека появится право на выбор.

– Служить этой рептилии или нет? – предположил я.

– Ага. – Мара достала из кармана симпл-димпл. – Пусть очень редко, но Полоз выбирает себе подручных из рода людского. Он им даже время дает на то, чтобы они решили, желают они себе такого хозяина или нет, вроде как играется с ними. И службу какую-нибудь поручает, да такую, что человек непременно начнет думать, что он теперь не такой, как все, и что эта жизнь куда лучше, чем та, которая была прежде. А после еще золота отсыплет, да столько, что не унесешь. Отсыплет и смотреть станет, что для человека главнее – его воля или людская корысть. Если жадность победит, то все, яд сердце этого человека сожжет, а если нет, то, считай, молодец он. И вот тут ему надо делать тот самый выбор – жить как прежде или выбрать новую судьбу. Ну, по крайней мере, человек так думать станет, что выбирает. Он же хитрый, Великий Полоз. Он всегда таким был. Потому и не уснул в тумане, как все остальные.

– Все равно не складывается картинка. Я же ведьмак, у меня свой путь, так сказать, свое предназначение. Как я ему служить могу?

– Бывало такое прежде, – заявила Мара, щелкая резиновыми пупырями на игрушке. – И твои собратья ему служили. Нечасто, но случалось. Старшие ваши этот выбор не принимали, но большой власти у них сроду не водилось. Так, одна видимость да слова громкие.

– С этим не поспоришь, – я сразу вспомнил встречу двухлетней давности и потешных стариканов, которые думали, что на самом деле чего-то решают. – С властью там плохо. Никак у нас с ней.

– Навь тебя приняла, – внезапно сообщила мне Мара. – Точно говорю. Приняла и запомнила. Слушай, а ты нож свой ведьмачий туда не брал? Нет? Жаль. Он тебе потом мог бы вместо ключа служить. Кое-какие наговоры над ним произнеси, кровью живой омой, правильное место найди – и все, дорога откроется.

– Мне одного раза хватило, второго не надо, – отказался я. – Нечего мне в этой вашей Нави делать. Нет у меня там друзей, одни враги. И спрятаться, если что, негде.

– И то верно, – согласилась со мной гостья. – Хотя насчет «спрятаться» ты неправ. Там стоят погребальные курганы, в которых лежат твои пращуры-ведьмаки. В них ты всегда укрыться от беды сможешь, а врагу твоему туда не войти ни за что. Ну, если только он, конечно, тоже не ведьмак.

Помню, упоминала Морана про эти курганы. Дескать, там все есть – и мечи-кладенцы, и скатерти-самобранки, а также корзина печенья и бочка варенья. Даже сводить туда обещала. Правда, я ей тогда не поверил и, по ходу, правильно сделал. Не с ее жидкими силенками в те края соваться. И сама погибнет, и меня под монастырь подведет.

– Теперь еще вот что, – Мара глянула мне в глаза. – Долг твой передо мной закрыт.

– С чего бы? – удивился я.

– Подумай, может, догадаешься, – буркнула девочка. – Да, и с Пухеей я сегодня повидалась. Она готова тебе помочь, готова излечить того, на кого ты укажешь, но взамен ей нужна другая жизнь. Человека за человека, по-другому она не согласна помогать. Но я сразу тебя предупреждала, что так будет. Само собой, вина за смерть того, другого, на тебя ляжет, не на Пухею. Тебе за него за Кромкой отвечать придется.

Не скажу, что меня это сильно пугает, поскольку это не первое пятно на моей совести. Другое хуже – некого мне Пухее отдать покуда. Недоброжелателей полное лукошко, но неприязнь, пусть и обоюдная, еще не повод для того, чтобы их на тот свет отправлять. Да и отдел не дремлет. Ну как пронюхают, что эдакий чендж сделан? Не то чтобы я с ними прямо очень конфронтации боялся, но мы сейчас вроде как одно дело делаем, и друг другу взаимно полезны.

– Печально, – я вздохнул. – Но все равно спасибо за ясность, внесенную в вопрос.

– И еще совет, – Мара убрала симпл-димпл в карман, давая мне понять, что беседа, по сути, закончена. – Уезжай из города на несколько дней. Сегодня

уезжай. Сейчас. В деревню уезжай, где твой дом стоит.

– В принципе, я так и собирался поступить. Замотало все в городе, хочу на природу отбыть. А в чем, собственно, дело?

– Навь населена теми, чье время закончилось. Ты не такой. Ты – живой. Туманы запомнили тебя, ты оставил там свой след. Не навсегда, ненадолго, но оставил. Кто знает, что из этого может выйти? Лучше поостеречься.

Сказала мне зараза маленькая напоследок эту гадость и покинула балкон, а с ним и квартиру. Вот сиди и гадай – чего конкретно надо поостеречься, о чем речь? Может, она имеет в виду, что Великий Полоз каких-то охотников на этот след настропалит за немалую награду, а может, то, что мне Навь сниться повадится в городе каждую ночь. Ну или день, исходя из указанного выше графика моей жизни.

В любом случае гадать что да как я не стал, шустро собрал вещички, после выставил из дома сонную Маринку, заверив ее в том, что это именно она меня поимела, а не наоборот, велел Анатолию сообщить окончательно запропавшей Жанне, где именно я нахожусь, да и покинул Москву. Мало того, я еще и телефон в электричке отключил, рассудив, что все меня достали.

Первые два дня я отсыпался и отъедался, игнорируя то и дело мелькавшую за забором бабку Дару, а на третий, ближе к ночи, направился к реке, решив пообщаться с Карпычем да дядей Ермолаем о всяких разностях. В том числе о трех вещих птицах из славянского фольклора и о существе, носящем имя Великий Полоз.

– Может, оно и так, – согласился я с точкой зрения умудренного жизнью водяника. – Тут для себя-то не всегда решишь, как оно лучше, что о других людях говорить.

– Ведьмак, пошли купаться, – предложила мне Стеша. – Обещаю, топить не стану! Просто поплаваем вместе!

– Не, вода холодная, – отказался я. – Вот через месяцок, как она прогреется как следует, тогда уж…

– Да не бойся, – хмыкнул Карпыч. – Если желаешь – искупнись. Ничего с тобой не случится, обещаю.

– Правда неохота. – Я поворошил угли палкой. – А можно еще спросить об одной вещи?

– Экий ты пытливый, – притворно сдвинул зеленоватые брови водяник. – Ну да уж ладно. Спрашивай.

– Великий Полоз – он кто? Говорят, что змей и что золото любит. Но это ведь не все? Есть же что-то еще?

– Про Великого Полоза не у него надо спрашивать. – На мое плечо опустилась тяжелая рука. – Про него со мной надо разговаривать, ведьмак.

Глава вторая

– Да что б тебе! – сплюнул на прибрежный песок Карпыч. – Напугал, дерево ты трухлявое. А на Ляксандре вон вообще лица нет!

– Ну, не то чтобы совсем нет, – произнес я. – Но ты больше так не делай, дядя Ермолай, пожалуйста. У меня запасные джинсы дома, понятное дело, есть, но до него дойти еще надо. А тут застирывать как-то неловко. Вон Стешка меня засмеет. Засмеешь, красивая? Ведь так?

– Вовсе нет, – прощебетала русалка. – Всякое бывает. У меня тятенька на каждый праздник напивался так, что непременно портки обделывал, когда после под телегой отсыпался. Я привычная.

– А перед тем тебя да твоих сестер лупцевал, да так, что ты в семнадцать лет от такой жизни пошла и утопилась, – невесело усмехнулся Карпыч.

– Не потому утопилась, – улыбка сползла с лица Стеши. – Не из-за его кулаков. Да ты, батюшка-водяник, сам знаешь все.

Она невероятно грациозно развернулась и быстрой молнией ушла в глубину реки.

– А чего с ней стряслось-то? – поинтересовался дядя Ермолай, присаживаясь рядом со мной и цапнув одну из печеных картофелин, лежавших около костра.

– Дядька ее ссильничал, тятенькин брательник, – странно, но в голосе водяного я услышал искреннюю жалость к незадачливой девице, бог весть когда сведшей счеты с жизнью. – Дело вроде как семейное, но такой грех все одно не скроешь, а порченая девка никому не нужна. Это деревня, не город, тут нравы другие. Ну, тогда были. Да еще и понесла, как назло. Короче, плод она вытравила, а через день пошла к мельнице, там в воду и сиганула. Чтобы, значит, наверняка. Народишко тогда был не чета нынешним беспамятным, потому знал, что я именно в тамошнем омуте тогда обитал и молодых девок, что в гости пожаловали, обратно на землю не отпускал.

– Невеселая история, – вздохнул я.

– Но зато она через пару лет обидчика своего наказала, – оптимистично заявил Карпыч. – Сына его утопила, младшенького, позднего, любимого. Причем прямо на дядькиных глазах под воду утащила, да еще личико свое показала, чтобы тот знал, отчего так вышло и кто в том виноват.

– Жестко, но справедливо, – признал я. – Внушает. Только одно неясно: вроде по Покону с родней счеты сводить не положено?

– Так и огольца этого после Ильина дня никто в воду силком не тянул, – пояснил водяной. – Сам полез. Да еще и на закате.

– Сам виноват, – подытожил дядя Ермолай. – Нет тут девкиной вины, она в своем праве была.

Вот такое вот старорусское бусидо, строгое, но справедливое.

– А Стешке ты давно нравишься, – сообщил мне водяник. – Я слышал, как она другим девкам про то сказывала. Потому тогда подружку твою она с особым усердием под воду тащила.

– Даже не знаю, радоваться или печалиться, – поежился я. – Вот так и купайся в твоей реке летом. Войти в воду войдешь, а выйдешь или нет – вопрос.

– Купайся, – разрешил Карпыч. – Не тронет тебя никто этот год, слово даю. Моя река – мои законы. Девки, слышали меня?

– Слышали, батюшка, – нестройно ответили русалки, причем за секунду до того веселая Лариска как-то вдруг посмурнела, что навело меня на определенные мысли.

– Так ко мне еще друзья приезжают, – вкрадчиво произнес я. – Вот…

– Твои гости – тебе за ними и приглядывать, – ответил за Карпыча дядя Ермолай. – И ответ держать, если они чего лишнего себе позволят. Хотя, как по мне, иные из них те еще хваты. Да, сосед?

– Ты про того дьяка, что к Даре наведался? – уточнил водяник. – Да, парень ушлый, не отнять. Хотя все они такие, им палец в рот не клади. И за жизнь цепляются до последнего. Помню, лет сто тому назад в мою реку один такой после драки с оборотнем сверзился, так ни в какую тонуть не хотел. Бок разодран, рука сломана, а он знай пытается к берегу выгрести. Другой бы сдался и камнем на дно, а этот нет. И знай себе бормочет, как он этого оборотня в другой раз непременно пришибет.

– И что, утоп? – заинтересовался дядя Ермолай.

– Утоп бы непременно, – подтвердил Карпыч. – Говорю же, бок распорот был здорово, сильно волкодлак его подрал.

– Значит, пожалел его? – утвердительно произнес леший. – На берег, поди, выволок?

– А и выволок, – вздернул зеленую бороденку вверх Карпыч. – Я хоть и нелюдь, но сильных человеков уважаю. Не телом сильных, а духом. А оборотней, наоборот, не жалую, ты же знаешь. Паскудное племя, один вред от них реке.

– Да? – удивился я. – В какой же это вы точке пересекаетесь? Они в лесу, вы тут.

– В медвежьей, – пояснил водяник. – Оборотные медведи сильно рыбку уважают, что в том обличье, что в другом. Ну, когда они в шерсти еще ничего, а вот в человечьем облике беда просто. Как-то раз совсем обнаглели, в одном месте, где помельче, все русло сетями перегородили и столько рыбы из реки забрали, что ужасть просто. Телегами вывозили. И все же без спроса, без поклона, без вежественного слова. Я, понятное дело, терпеть не стал, сети мои девки в ночи убрали, а после, поутру, я одного мохнатика и вовсе утопил. Они поняли, что к чему, да и убрались куда подальше от моей реки, но запомнить этот случай запомнил. Потому дьяку тому пособил, на берег его выволок, да ракшу-траву к ране прилепил. Хорошая трава, в омутах растет, на дне тех ям, где сомы стоять любят. Она мигом жар оттягивает и кровь затворяет.

– Ракша-трава, – повторил я. – Нет, не слышал даже. А мне такой не дадите немного? Ну, если не жалко.

– Дать дам, только проку тебе с нее не будет. В ней сила держится до той поры, пока она мокрая от речной воды, как высохнет, так все, в труху рассыплется. И в зельях каких от нее проку не жди, если ты про то речь ведешь.

– Жаль. Но все равно спасибо.

– За что же?

– За то, что про такую траву рассказали, – пояснил я. – Век живи – век учись.

– Что у тебя, паря, за интерес к батюшке Великому Полозу-то? – снова вступил в разговор лесовик. – А?

Вообще-то, я сначала хотел узнать подробности визита Нифонтова к моей соседке, раз уж о нем речь зашла. Сдается мне, мирной беседы у них не вышло. Но раз уж он хочет о чешуйчатом обломке былого пообщаться – почему нет?

– Все тот же, познавательный, – бодро заявил я. – Просто в Москве краем уха услышал, что появился некий Хранитель кладов, а на должность эту его определил как раз Великий Полоз, существо древнее, могучее, влиятельное. Само собой, мне интересно разузнать побольше про этих двоих. Жизнь та еще змеюка, никогда не знаешь, как она извернется. Ну как дорожки мои с этим Хранителем пересекутся? Или, не ровен час, с его покровителем.

– С Полозом тебе точно лучше бы по разным тропкам ходить, – веско произнес Карпыч. – Не любит он ведьмаков, что есть, то есть. С давних пор не любит, с заповедных. Даже тех, кто доброй волей к нему на службу шел, и то не жаловал. Не мог ту обиду забыть, что его хозяину нанесли.

– Да не в обиде дело, – перебил его дядя Ермолай. – Что ему обида? Так, комариный писк над ухом, отмахнулся да живи дальше. Власть он потерял тогда. Власть. А до нее Золотой Змей всегда жаден был. Родитель наш общий – нет, ему дороже свобода была да жизнь такая, какую полной чашей пить можно. А Полоз одного жаждал – все под себя загрести: золото, каменья драгоценные, судьбы людские. Все. Даже баб и то в основном чужих охмурял, замужних, потому как кусок чужого пирога, он всегда сочнее да слаще, чем свой собственный.

– Если честно, я почти ничего не понял, – признался я. – Можно с самого начала? Родитель общий – это кто?

– Велес, – охотно ответил мне лесовик. – Создатель наш. Это он в чащобы да перелески душу живую вдохнул, вот тогда мы, хранители лесные, на свет и появились. Он нам всем батюшка: и первым Хозяевам, и нам, детям-правнукам их. Ну и Полоза тоже он создал, после к себе приблизил, доверил свои тайны, власти дал.

– Не ему одному, – добавил Карпыч. – Были у Велеса и другие слуги.

– Но этот самым хитрым да ловким оказался, – возразил ему дядя Ермолай. – Где все эти остальные? Сгинули. А Полоз в Нави обитает, жив-здоров. Бывает, что и сюда, в Явь, заглядывает. Нечасто, потому как прямого пути ему в этот новый мир нет, но если кто призовет, непременно заглянет. Иногда каверзу какую учинит, иногда даром кого побалует, если человек ему глянется. Ясное дело, дар тот с подковыркой будет, но тут уж от того, кому он достался, все зависеть будет. Хранитель кладов вот, я слышал, сдюжил, смог доказать, что не ошибся Полоз, его выбрав.

Ну да, что-то такое мне и Мара говорила. Мол, лучше никакого подарка, чем тот, что змей из туманов в руки пихает.

– Я про него в первый раз услышал аккурат в то лето, когда ты сгинул куда-то, – продолжил дядя Ермолай. – Мне свойственник малиновку с весточкой прислал, что, мол, если ко мне в гости пожалует парень и скажет, что он Хранитель кладов, надо его принять как должно, что он Великим Полозом отмечен. Опять же, помочь при надобности, если беда какая за ним по пятам идет. Правда, так он до меня и не добрался, а жаль. Говорят, хороший парень, вежеству учен, с почтением к нам, Лесным Хозяевам, относится.

– Большая редкость в наше время, – покивал Карпыч. – Ой, большая!

– Ну а нас-то, ведьмаков, за что он невзлюбил? Какую мы ему обиду нанесли?

– Не вы, – поморщился водяник. – И даже не пращуры ваши, те, что первые из первых. Тот, кому они после смерти Вещего Князя на верность присягнули, всему виной. Он привел на наши земли нового Бога, того, который и Велеса, и Перуна, и Зарю-Заряницу, и всех остальных победить смог в душах людских. Не сразу, не быстро, но смог. А коли у бога нет тех, кто в него верует, то и самого бога, выходит, нет. Вот они и ушли за горизонт, один за другим, только мы и остались, их дети. Нам до веры людской дела нет, не ей мы живы. У нас дело есть, к которому нас приставили, и покуда реки текут, а леса шумят, мы при нем будем состоять.

– И еще несколько слуг осталось таких, как Великий Полоз, – снова перехватил инициативу леший. – Вот им как раз есть о чем печалиться, все же потеряли, все что можно. У того же Полоза только золото и осталось да сил чутка. Владыка, который все это начал, давно опочил, род его прервался, их ненавидеть какой резон? А вы, потомки его верного воинства, вон живы-здоровы, потому он вас и не любит. Ему, Ляксандр, непременно кого-то ненавидеть нужно, он тем живет. Натура у его такая. Змей же.

Зашибись. Это значит, я и братаны мои огребаем за то, что десять веков назад какие-то ребята в остроконечных шлемах и с мечами Владимиру Красное Солнышко на верность присягнули? Да это даже звучит как бред!

Но самое смешное то, что все это чистая правда.

– Да ты не печалься, – посоветовал мне дядя Ермолай. – Нарочно он тебе ковы строить не станет. Сойдись вы на узкой дорожке – тогда да, непременно тебя

убить попробует, а душу себе забрать. Только вот вряд ли такое случится. Навь за семью замками пребывает, тебе туда дорогу даже твоя Хозяйка не откроет.

– И правильно сделает, – добавил Карпыч. – Не то это место, куда стоит соваться не то что из интереса, но и по делу.

Полностью согласен. Я вот разок побывал, больше не хочу.

– Выходит, что Полоз этот вам приказывать может, дядя Ермолай? – задал я вопрос, который в данный момент меня в свете услышанного интересовал более всего. – Раз он заместитель вашего создателя?

– Приказывать, парень, мне никто не может, – негромко, но очень веско изрек леший. – Я сам себе хозяин. Себе и своему лесу. Мой он с того момента, как мне его родитель передал, и навеки. А вот попросить – может. И если я ту просьбу сочту разумной да возможной, то ее выполню.

Интересно, а если эта рептилия попросит меня деревом трухлявым пришибить при случае, то какая это просьба будет? Разумная и возможная или же нет? Что перевесит в голове дяди Ермолая в тот момент – желание уважить заместителя его создателя или относительно неплохое отношение ко мне?

Нет у меня ответа на этот вопрос. Зато появилось четкое ощущение того, что я, похоже, нашел еще одну серьезную проблему на свою голову. И еще осознал то, что Лозовка теперь, пожалуй, лишается статуса условно-безопасного места. Ясно же, что раньше или позже правда выползет наружу. Я засветился в Нави, и то, когда Великий Полоз доберется до понимания того, кто заглянул к нему в гости, – это только вопрос времени. Да, лица моего он, может, и не видел, но сложить два и два сможет. Он знает, что я ведьмак, а уж выяснить, кто из нашей братии может заглянуть в те пропащие места, не так и сложно. Ясно же, что ни охранители воды, ни специалисты по посевам в заповедные края не наведаются, на такое способен лишь Ходящий близ Смерти. Ну а кроме меня, специалистов такого узкого профиля в столице просто нет.

Если до такого дойдет, плохи мои дела. Тогда я в Лозовке, как в осаде, сидеть стану, в лес-то не сунешься. Нет, выбраться выберусь, меня или ребята из отдела вывезут, или я вообще Носову позвоню и попрошу вертолет прислать. У него же наверняка есть вертолет, верно?

Только мне как-то не нравится такой расклад. Я уже начал считать Лозовку своим домом. Настоящим домом, местом, где мне на самом деле хорошо и спокойно. И не желаю его терять из-за какого-то фольклорного зверояшера.

– Мы, Лесные Хозяева, к нему тоже по-разному относимся, – словно прочитав мои мысли, произнес дядя Ермолай. – Фома, что мне весточку прислал, Полоза сильно жалует, тот лет триста назад помог его папаше крепко. Царь тогдашний, видишь ли, сильно воевать любил и под это дело леса вырубал страсть как. То ли корабли строил, то ли дорогу через болота мостил, то ли еще чего – уж и не помню. Вот лес родителя Фомы под топор и пустили, чуть вовсе не извели. А Полоз, который тогда в Явь еще частенько лазал, этих лиходеев шуганул, да так, что те дубравы после еще лет сто все седьмой дорогой обходили, даже крестьяне тамошние. Добро наше племя крепко помнит, вот он и рад расстараться. А мне вот до него, Полоза, дела особого нету.

– Мне тоже, – добавил Карпыч. – Берегиню любую – ту да, уважу, много добра от них вода видела. А Полоз пущай мимо ползет.

– А ты чего так скукожился? – проницательно блеснул глазами леший. – Ночь-то вроде не холодная? Или о чем плохом подумалось?

– Если совсем честно, то да, – шмыгнул носом я. – Не ровен час, не повезет мне, и с этим Полозом придется схлестнуться. Ну вдруг? Ведь тогда, возможно, вам выбор придется делать – его пожелание или моя жизнь.

Старички дружно расхохотались.

– Ты чего о себе выдумал, паря? – вытирая слезинку, выкатившуюся из краешка глаза, спросил Карпыч. – Где ты, где Полоз?

– И то верно, – поддержал его приятель. – У него, чай, других забот хватает. Делать ему нечего, только о тебе думать.

– Но если? Но мало ли? – осознавая, что выгляжу минимум смешно, упорствовал я, надеясь на то, что все же услышу заветные слова, которые, возможно, в будущем мне очень даже пригодятся.

– Тогда прежде я с тобой поговорю, – пообещал дядя Ермолай. – Сразу уж изничтожать не стану. Хе-хе!

Ну, это не совсем то, что хотелось бы, но все же что-то. Теперь хоть можно не бояться того, что лес в один миг из моего друга во врага превратится.

И только одно меня всерьез смутило – взгляды, которыми после фразы лесовика обменялась эта парочка. Мне отчего-то сразу вспомнился перекресток, который находится не так далеко отсюда, и ощущение собственной глупости, которое испытал, стоя на нем и осознавая, что меня просто использовали.

А что, если я уже, так сказать, в розыске и эти двое шутников снова разыграли передо мной спектакль? Для себя все давным-давно решили и теперь, собаки сутулые, развлекаются, глядя на то, как клоун-ведьмак перед ними распинается?

Тьфу! С этими всеми приветами из прошлого дураком стать можно! И самое обидное, ведь фиг правду узнаешь. Хотя нет, узнаю. Вот в следующие выходные на дачу к родителям поеду, и все станет ясно. Если тамошний Лесной Хозяин меня традиционно встретит-приветит – волноваться пока не о чем. Ну а если нет, то придется что-то думать.

– Слушай, я тут недавно разговор двух бабенок слышал, – сказал дядя Ермолай, внимательно глянув на меня. – Они, вишь ты, решили лесным воздухом подышать, на полянке расселись и лясы давай точить. Так вот одна другую раз пять назвала «тревожной», да еще с жалостью такой! Я все думал – это как? Может, она не спит по какой причине или еще какая беда стряслась? А оказывается, это то же самое, что «с придурью». Люди вообще любят сами себе причину для печали придумать, в нее поверить, а потом ходить и жалиться всем встречным-поперечным: «Ой, пожалейте нас несчастных!» Тревожная она, погляди-ка! Сама холеная, ручки белые, ступает по траве, как по болоту, каждой капельки росы боится. Тьфу! Так я к чему, хлопот у вас всех мало, ведьмак. Бед не знаете, много у вас всего чересчур! Оттого о всякой ерунде и думаете, сами себе печали отыскиваете, чтобы жизнь вкус совсем не потеряла, такой пресной не казалась. Но ладно та бестолочь городская, которой, вместо того чтобы себя жалеть, мужика лучше бы найти с вот таким елдаком, чтобы тот ей продыху не давал ни днем ни ночью, а после от него пяток детишков нарожать. Когда пятеро за юбку цепляются да мужик с пашни вот-вот придет голодный, на зряшные мысли времени нету, тут бы все успеть. Но ты-то, ведьмак, кое-что уже

понимать должон? Ты ж не тревожный?

– Я? Точно нет.

– Вот и хорошо. – Леший снова глянул на водяного, тот еле заметно кивнул. – Вот и славно.

– И про черного петуха не забудь, – напомнил мне Карпыч. – Ты обещал.

– Не было ничего такого, – возразил я ему с улыбкой, беря еще одну картофелину. – Я обещал подумать.

Кстати, тут я ни словом его не обманул. Только вернувшись домой, я озадачил сонного Антипа, который ни свет ни заря уже ходил с огромной зеленой пластиковой лейкой, что была мной куплена по его просьбе, между грядками с клубникой, следующим вопросом:

– Скажи, а для чего водяному черного петуха в жертву приносят?

– Черного? – переспросил у меня домовой, зевнув. – Чтобы, значит, вода ярей была, больше силы летом набрала. Ежели пестрого поднести, то это в честь матушки Живы, тогда рыба икру метать станет лучше, малька прибудет. Белый – в честь Стрибога, тогда реке даже сильно засушливое лето не страшно, вода если убудет, то не сильно. А черного, стало быть, Моране заповедуют, чтобы по осени лед реку быстро не сковал, чтобы вода подольше не засыпала. Ну и чтобы она на водяного деда не злилась, когда тот себе души живые забирает. Это ежели петуха жертвовать. А вот коли про несушек речь вести… Постой, а тебе оно зачем?

– Да просто интересно, – медленно проговорил я. – Для общего развития.

О как. Подозреваю, что Карпычу этот петух и на фиг не сдался, не в нем дело. Просто он, похоже, знает, чьим официальным представителем в Яви я являюсь, о чем мне нынче и было сообщено. Отдельно стоит отметить, что сделано это было достаточно тактично и мягко. Вопрос в другом – кто-то еще в курсе? Нет, с дядей Ермолаем все понятно, он тоже в теме. Но на них список местных обитателей не заканчивается.

Но надо признать, что опять эта парочка неплохо развлеклась за мой счет.

– Ежели надумал Карпыча порадовать, лучше пеструшку ему поднеси, – посоветовал мне Антип. – Но так-то дело хорошее, хорошее.

– Сосед, ты чего в такую рань на ногах уже? – отвлек меня от беседы с домовым голос Дары. – А? Вроде обычно до полудня дрыхнешь?

– Да не ложился еще, – понимая, что на этот раз от разговора с ней не отвертеться, я направился к калитке. – То одно, то другое, вот уже и рассвело.

– Ладно врать-то, – поправила платочек на голове ведьма. – Видела я тебя нынче ночью, ты с двумя этими пустобрехами, лесным да речным, на берегу костер жег. Нашел себе компанию друзей по разуму.

– Мне нравится. С ними интересно.

– Никогда вас, ведьмаков, не понимала и, наверное, не пойму. Хотя оно и к лучшему. Я тут передачу смотрела по телевизору, так там сказали, что понимание – путь к принятию моральных ценностей других людей. Мы с тобой, конечно, не люди, но все равно не надо.

– Полностью согласен, – зевнул я. – Баб Дара, чего хотела? Ты говори, я послушаю да спать пойду.

– Не знаю, ведаешь ты или нет, но с приятелем твоим мы худо-бедно поладили, – степенно произнесла ведьма. – Пока договаривались, чуть не подрались, он мой дом подпалить обещал, я его почти прокляла, но обошлось. Договорились все же.

– Честь и хвала вам обоим, – равнодушно бросил я. – Что-то еще?

– Пособил бы ты ему, – вкрадчиво попросила меня соседка. – Один этот телепень долго больно станет колупаться. Сам он тебя не попросит о помощь, слишком горд да независим, не любит в должниках ходить. А у меня, видишь ли, времени не так много, как хотелось бы, осталось. Чую, беда рядом совсем ходит.

– С меня даже сон слетел, – признался я. – Старая, ты в своем уме? Сама вдумайся, как звучит: я, ведьмак, по просьбе ведьмы стану помогать сотруднику отдела в каких-то их совместных делах. Ничего не смущает?

– А что такого? – подбоченилась старушка. – Мир на том и стоит…

– Мир стоит на трех слонах, а те на черепахе, – перебил ее я. – Разговор закончен.

– Саша, да если бы не дела, что цветом чернее сажи, не пришла бы сюда, – как-то вдруг сгорбилась до того статная ведьма. – Просто Лихо на этот раз уже не у забора вьется, а на пороге стоит. Вот до чего дошла – у ведьмака помощи прошу. Стыдоба какая!

– Хорошая попытка, кто другой на моем месте уже слезу бы пустил, но тоже нет, – заявил я. – И потом, баба Дара, за тобой и без того должок значится. Охота тебе кредитную историю увеличивать?

– Неохота, да выбора нет, – на этот раз, похоже, искренне сказала старуха, опершись локтем на забор. – Не спешит твой приятель, а Марфа, змеюка подколодная, так кольца вокруг меня и свивает. Звонили мне тут днями из Златоглавой, рассказывали, что да как. Эх, что ж я ее тогда, в двадцатом, не убила-то? Была же возможность. Была.

Интересно, в каком именно «двадцатом»? Первые две цифры года какие? Не удивлюсь, если речь идет еще о тех временах, когда опричники ведьм в домах жгли.

– Скажи, а ты болезнь почек вылечить сможешь? – спросил я у нее.

– Камень выгнать невелик труд, – моментально ответила соседка. – Сделать так, чтобы новые там не родились, – посложнее, но тоже можно.

– А если совсем дело плохо? Если почки у него уже не свои, врачи отказались и мандрагыр только боль снимает, но уже не лечит? Мандрагыр, правда, не сильно старый. Да, собственно, тот, что ты мне отдала за услугу.

– Тогда это не человек, а мертвец ходячий. Но мы вроде в прошлый раз все обговорили на этот счет?

– Тут другой бедолага, – пояснил я. – Не тот, о котором речь раньше шла.

– Где ты таких хворых находишь, ведьмак? – уставилась на меня бабка. – Или из принципа берешься только за тех, на кого Смерть свою руку уже наложила? Ты с кем спорить берешься, хоть понимаешь? По краю же ходишь, такие вещи безданно, беспошлинно с рук не сходят.

– Ну вот сглазил меня кто-то. Может, даже и ты.

– Точно не я, – заверила меня соседка. – Нет у меня над тобой такой власти. А жаль!

– Так что, сможешь помочь?

Это был бы не самый плохой вариант. Всяко лучший, чем просить о помощи Пухею через третьи руки.

– Сделать что угодно можно, вопрос только в цене, которую я, ты да болезный заплатить согласны.

– За болезного не скажу, а что до нас с тобой, так тут все ясно – ты мне, я тебе.

– Э, нет, сосед. Мой интерес тут меньше твоего. Ты дружку своему то ли подсобишь, то ли нет, а я всяко, выходит, должна буду Белую Гостью попробовать вокруг пальца обвести. Так не пойдет.

– Нет так нет, – покладисто согласился я. – Вот и пообщались. Все, спать пойду.

Не стала меня бабка Дара останавливать, но о чем-то призадумалась. Это хорошо, может, все же мы с ней и поладим в результате.

Дома я побродил по комнатам, осознавая, что спать на самом деле мне не хочется, после достал смартфон и включил его, прекрасно понимая, что за этим последует.

Количество пропущенных звонков меня не удивило совершенно, чего-то такого я и ожидал. Маринка, Николай, Ряжская, Олег – каждый не по разу отметился. Но лидером стал совершенно незнакомый мне номер, с него звонков поступило гораздо больше, чем от кого бы то ни было. Имелись там и другие «неопределешки», но не настолько настырные.

– Интересно, – пробормотал я. – Это кто же такой настырный?

Сразу перезванивать таинственному незнакомцу, как и кому-то другому из вышеозначенного списка, я не стал, больно час еще был ранний. Но в районе девяти часов я все же этот номер набрал. Интересно же!

– Приемная господина Носова, – прощебетал в трубке приятный девичий голос. – Меня зовут Ольга, чем могу служить?

Ну вот теперь все встало на свои места. Оклемался господин Носов, теперь самому ему звонить мне уже не по чину, времени на это нет. Впрочем, это я уже придираюсь, он мне и до того особо не звонил.

– Я слушаю вас, – поторопил меня голос в трубке. – Алло?

– Добрый день, – отозвался я. – Просто думаю, как правильно с вами начать беседу, а после перейти к ее сути.

– Уведомляю вас, что все разговоры записываются.

– Да это понятно, – усмехнулся я. – Моя фамилия Смолин, и с вашего номера на мой телефон…

– Александр Смолин? – появившийся было холодок мигом исчез из голоса моей собеседницы.

– Александр, – подтвердил я.

– Как же долго я вас искала! – чуть ли не всхлипнула девушка. – И не я одна.

– Вас на самом деле Ольга зовут? – не удержавшись, уточнил я. – Точно не Катя?

– Ольга, – подтвердила девушка, явно не смекнувшая, куда я гну.

Просто ей повезло с родителями, потому она в детстве не смотрела старое советское кино в огромных количествах. Волей-неволей некоторые фразы до сих пор в голове всплывают.

– Чего искали-то? – решил я вернуть разговор в практическую плоскость.

– Илья Николаевич приказал. И мне, и службе безопасности. И все никак, вы как в воду канули.

– Кто приказал – понятно. Чего он хотел-то?

– Да откуда же мне знать? – опешила собеседница. – Мое дело – вас отыскать и передать информацию о том, куда и к какому времени вы неотложно обязаны явиться.

– Обязан, значит? Строго к определенному времени? Прямо вот неотложно? Ну-ну.

Была бы на месте этой Ольги другая, та, что Михайловна, она бы по моему тону уже много чего поняла, так как ей был хорошо известен мой скверный характер. Но эта девушка со мной пока была мало знакома, вернее, совсем незнакома, потому ей и в голову не могло прийти того, что я не собираюсь подчиняться приказам ее всемогущего босса.

– У Ильи Николаевича очень плотный график дня, – пояснила Ольга. – Потому…

– Спать пойду, – перебив ее, сказал я. – А если Илья Николаевич захочет меня видеть, пусть сам позвонит, я скажу, куда ему подъехать. И вот еще что, подозреваю, что он или кто-то из его подручных может попробовать сорвать на вас зло за то, что вы вроде как не выполнили порученное вам дело. Так вот тогда скажите, что если такое произойдет, то я очень, очень расстроюсь. Настолько, что еще на пару недель пропаду из вида. А то и на месяцок. Вы запомнили мои слова?

– Да, – чуть ошарашенно произнесла Ольга. – Только вот…

Дослушивать ее я не стал, нажав на красную кнопку. После посидел минуту, подумал о том и о сем да и пошел собирать вещи. Похоже, пора мне в город возвращаться. Кончилась передышка. Только к бабке Даре перед тем надо будет заглянуть, сообщить ей, что у нее есть последний шанс со мной договориться. А ну как дело сладится?

Глава третья

Пока я запихивал в рюкзак разные мелочи, которые стоило забрать в Москву, телефон постоянно сообщал мне или о том, что кто-то желает меня слышать, или о пришедших сообщениях, но я игнорировал и то и другое. Побеседовать я, если что, смогу и попозже, пока к станции через лес идти стану, а сейчас надо собираться, а не лясы точить. Времени маловато осталось, почти все утренние электрички, что останавливаются в Шаликове, уже на пути в столицу, осталась только одна, «бородинская», что идет в половине двенадцатого. Если на нее не успею, то шабаш, до половины третьего придется на перроне куковать, ибо начнется дневной перерыв в движении поездов.

– Только же приехал, хозяин, – недовольно бубнил Антип, заворачивая в газету полувековой давности, которых на чердаке хватало с избытком, испеченные им накануне пирожки с рисом и яйцом. – Говорил, что надолго, мол, в городе погано, а тут славно. И на тебе – обратно засобирался!

– Дела, Антипка, дела, – важно произнес Родька, напротив, весьма довольный моим неожиданным решением. – Без нас там никак, ясно?

– У тебя делов в этой жизни разве что только брюхо набить да после спать завалиться, – не полез за словом в карман домовой. – Помолчи уж. Хозяин, может, все же останешься, а? Земляника днями пойдет, сходили бы набрали лукошек пять-десять, я бы опосля варенье сварил. Зимой баночку откроешь, такой по избе аромат пойдет – прямо снова лето началось.

– Земляника не один день плодоносит, так что ее наберем, – заверил его я. – Заодно привезу тебе утварь для варки, что ты просил.

– И сахару побольше, – сразу же добавил домовой. – А то наши запасы дно кажут, ага. Круп тоже прикупи, лучше всего смоленских. И соли. И…

– Вот какой же ты жадный! – потешно сморщил свою мордочку Родька. – Лишь бы тебе все под себя грести.

– Не под себя, а в дом, – с достоинством парировал его выпад Антип Петрович. – Мое дело, чтобы в нем все было, чтобы хозяин горюшка не знал.

– Причем за его счет, – съязвил мой слуга и тут же ойкнул, словив подзатыльник. – За что?

– За длинный язык и редкостную дурь, – пояснил я. – Еще раз такое брякнешь – оставлю тут со списком трав, которые надо сначала собрать, потом засушить, а после еще и расфасовать. Во-о-от такенным!

– Так его! – довольно ухнул домовой. – Поделом тебе, мохнатый!

– Ой, да и ладно, – насупился Родька, причем в его голосе я четко расслышал интонации Жанны. Собственно, и фраза была из ее лексикона.

Помахав на прощание домовому, сиротливо стоявшему на крылечке, я закинул обе лямки рюкзака на плечи и бодро потопал по улице, принципиально даже не глядя в сторону дома Дарьи Семеновны.

– Сосед, ты же вроде спать собирался залечь? – донесся до меня ее голос тогда, когда я его уже не рассчитывал услышать. – Или чего-то не так поняла?

– Планы изменились, – не останавливаясь, ответил я ей. – Так бывает. Мы одно задумали, а судьба другое для нас приготовила. В город возвращаюсь, так что всего доброго. Может, через неделю увидимся, может, через месяц.

– Да постой ты, не беги, – попросила она. – Старая я уже, невместно мне за парнями молодыми гоняться. Твой один шаг как мои два.

– Ой, да ладно, – я выполнил ее просьбу и развернулся. – Ты, бабуля, если надо, любого догонишь и перегонишь.

Дара же, желая доказать мне, что на самом деле она дряхла до крайности, добиралась до меня пару минут, припадая при ходьбе на одну ногу, кряхтя и трубно сопя носом.

– Если честно – опаздываю, – показал я соседке экран смартфона. – До электрички всего ничего осталось, а мне еще надо с дядей Ермолаем попрощаться и до станции дойти, потому давай обойдемся без словесной пикировки.

– Есть у меня один рецепт, который твоему болезному поможет, – деловито заявила ведьма. – Очень старый, потому проверенный. Сам ты такое зелье не сваришь, это я тебе точно говорю, здесь даже мне придется очень крепко постараться. В иных случаях мало знать, какие травки да добавки в котел идут, там другое. Там право крови решает.

Не иначе как из книги Рогнеды этот рецепт, руку на отсечение даю.

– Хорошо, – одобрил я ее слова. – Твоя правда, старое, значит, качественное. Значит, я помогаю Николаю, ты мне зелье отдаешь. Верно условия нашей сделки назвал? Ничего не перепутал?

– Верно, верно, – покивала Дара. – Вот только хлопот у меня выйдет больше, чем у тебя, как и было говорено. Да и не все составляющие, что в рецепте указаны, у меня есть, кое-что тебе самому раздобыть придется, а после мне сюда привезти.

– Ты не спеши, старая, не форсируй события, – шмыгнул носом я. – Сначала объясни, какая именно моему приятелю помощь нужна? Детали хотелось бы услышать.

– Сначала по рукам ударим, после все обскажу, – не без злорадности улыбнулась старуха.

– Пойду, пожалуй, – поправил лямки рюкзака я. – Бывай, Дарья Семеновна.

– Вот что ты такой взбалмошный, а? – уцепилась за мою футболку ведьма. – Чуть что – сразу гонор показываешь! Нет чтобы отнестись к бабушке с пониманием, с уважением сообразно ее возрасту. Мы, возрастные люди, все с причудами, в дневных ток-шоу так и говорят.

– Я подобную мозгосушку не смотрю, на нее можешь не ссылаться. А что до тебя, кабы не знал, кто передо мной, так, может, и проявил бы сочувствие да почтение. Но в твоем случае это точно лишнее. Либо говори, что мне делать придется, либо я в лес пойду, а ты домой.

– Приятель твой должен добыть два предмета, которые принадлежат Марфе, – неохотно выдавила из себя слова ведьма. – Непростых предмета, заветных, которые еще старых богов помнят. Доставит он их мне до конца лета – молодец. Нет – значит не видать ему девки как своих ушей ни в этой жизни, ни в следующей. Может, вовсе ее убью, чтобы помнил пес цепной до конца дней о том, что со мной шутки плохи.

– А ведь ты мне не врала, Дара. – В кармане задергался телефон, я достал его и глянул на номер абонента. Опять из офиса Ильи Николаевича названивают. – В самом деле ты, уж извини за правду, головой ослабла. Отдельские тебя потом за это живьем в доме сожгут. И подружек твоих сердешных тоже в Навь отправят за компанию.

– Не сожгут, – хладнокровно возразила мне старуха. – Нет на то у них никакого права. Людка, телушка эдакая, наших кровей будет, не человек она, а ведьма, потому у их старшей, что ковеном управляет, над ней полная власть имеется. Желает – милует, желает – казнит.

– А старшая та твоя давняя подруга, это мне известно, – продолжил я, понимая, что бабка, по ходу, права. Если Николай ее спалит, то добра ему не ждать. Либо его ведьмы, пользуясь полным на то правом, со света сживут, либо, как бы это жутко ни звучало, свои за решетку законопатят. Или что у них там в таких случаях предусмотрено?

– Вижу, понял, что глупость сморозил, – хихикнула Дара. – Так что, возьмешься ему пособить?

– Нет, – покачал головой я. – Не возьмусь. Не тот расклад, в который стоит вписываться. Хрен с ним, с почечником, пускай помирает. Лучше он, чем я.

Я вовсе не набивал себе цену, а на самом деле думал именно так. Не знаю уж, что там за предметы Дара у Марфы собралась тиснуть, но точно не спицы и клубочек шерсти, из которых та себе носочки на зиму вяжет. Наверняка речь идет о каких-то серьезных артефактах, особо ценящихся в ведьминских кругах, а то и обосновывающих право на руководство ковеном. И я точно не желаю иметь никакого отношения к их пропаже. Более того, постараюсь объяснить Кольке, что он, заключив такую сделку, по сути, подписал себе приговор, который будет приведен в исполнение в любом случае независимо от того, умыкнет он эти вещицы или нет.

Хотя… Это Нифонтов, он еще тот змей, не то что добрый и наивный я. Не исключено, что он располагает расширенной информацией по данному вопросу, потому и согласился влезть в эдакий блудняк.

Но это его дело. Я – пас. Ей-ей, лучше всю охрану Носова Маре скормить и тем самым обезопасить себя от их мести после смерти патрона. Оно дешевле выйдет.

– Шутишь? – заулыбалась ведьма. – Да? Просто ты же вроде людишек, что своими друзьями числил, жалел всегда, за их глупости из своего кармана платить брался.

– Жалел, было такое, – не стал спорить я. – Вот только сейчас мне себя жальче, чем кого-то другого. Я, бабка Дара, на тот свет не стремлюсь, мне и тут хорошо. Больно в тамошних туманах сыро да серо.

– Стало быть, ты в Нави побывал? – блеснула глазами старуха. – То-то ее помянул только что. Силу набираешь, Ходящий, дорожку торишь, по которой, если что, уйти за окоем можно. Умно, умно. А что до предложения моего, так ты все же подумай, не отказывайся сразу. Да и поторговаться всегда можно. Сделка без торга не сделка. Верно?

Она приложила руку к уху, как бы говоря «созвонимся», подмигнула да и пошла к своему дому, причем бодрой походкой, без шарканья ногами и держания за поясницу.

И ведь ни слова не сказала о том, что, мол, молчи об услышанном, никому не рассказывай, что я собираюсь закадычную неприятельницу чужими руками обнести. Знает, зараза, что я и так этого делать не стану.

– Ведьма, – тихо произнес я и сплюнул себе под ноги.

– Она и есть, – подтвердила Дарья Семеновна, слух которой, похоже, был получше, чем даже у меня.

В этот момент снова запиликал уже опостылевшую мне мелодию телефон, я глянул на экран и, не особо скрывая недовольства, рявкнул в трубку:

– Да, Ольга. Что еще?

– Александр Дмитриевич, я очень извиняюсь, но дело в том… – немного неуверенно попыталась завести разговор девушка-референт, как видно немного ошарашенная моей экспрессией.

– Прошу прощения за повышенный тон, – сказал я. – Вы тут, собственно, ни при чем, вам сказали – вы звоните. Причем даже не сам Носов наверняка распорядился, а какой-нибудь его заместитель. Только результат, при всей моей симпатии к вам, будет тот же самый, что и полчаса назад.

– Просто… – снова заикнулась было девушка, но и в этот раз я ее не дослушал.

– Давайте я вам кое-что поясню. Ольга, милая, поверьте, это не хамство с моей стороны, не тщеславие и даже не завышенное сверх меры ЧСВ. Нет-нет-нет. Простите за банальность, но в этом мире люди делятся на тех, кому что-то надо от тебя, и тех, от кого чего-то тебе самому требуется. Мне от вашего шефа вообще ничего не нужно, потому у него нет никаких оснований назначать место и время встречи. Я не его сотрудник.

– Да дадите вы мне сказать или нет? – неожиданно громко произнесла девушка. – Я поняла вашу позицию с первого раза, донесла ее до своего руководства. Мой начальник передал ваши слова Илье Николаевичу, тот, насколько я поняла, также принял их к сведению и сообщил, что по возвращении в Москву он сразу же вас наберет. Сейчас, увы, в этом нет смысла.

– А он где? – уточнил я.

– Не могу вам ответить на подобный вопрос, это конфиденциальная информация.

– Ой, да ладно! Если порыться в Сети, то там наверняка уже указано, куда ваш шеф намылился. Ну а если вас смущает тот аспект, что после безопасники вам а-та-та за болтливость сделают, то я принимаю этот ваш грех на себя. И если что, перед Александром сам за него ответ держать стану.

– И все-таки нет, – в голосе девушки появились веселые нотки. – Но он в пределах нашей страны.

Однако резво старичок за дела принялся. Такими темпами он и впрямь себя живенько в гроб загонит. Мандрагыр – средство хорошее, но и у его силы пределы есть.

– Ольга, а вы замужем? – поинтересовался я у сотрудницы Носова. Не знаю отчего, но мне понравился ее голос, было в нем что-то такое, что меня притягивало. Может, оттого, что он был неподдельно живой? Или потому, что непосредственно этой девушке от меня вообще ничего не нужно было? Служебное, понятное дело, не в счет.

– Нет, – ответила она. – Александр Дмитриевич, я рада, что смогла передать вам…

– Простите за еще одну банальность, но что вы вечером делаете? – в который раз перебил я собеседницу. – Может, сходим куда-то? Ну, если вы сочтете подобное возможным. На всякий случай – я не стар, не слишком глуп, не слишком нагл и, если верить моим знакомым женского пола, не совсем уж урод как внешне, так и морально.

Скрипнула молния рюкзака, и в затылок мне принялся дышать любопытный Родька. Видать, не все ему там, внутри, слышно было.

– Всякое за время работы случалось, но вот вы меня удивили, – выдержав паузу, призналась Ольга. – И сильно. Всего доброго.

– Буду ждать звонка, – ответил я, и на том наша беседа закончилась.

– А ежели она кривая да косая? И черти у нее на личике горох молотили? – поинтересовался у меня слуга. – Ты ж ее в глаза не видел, а уже собрался куда-то вести, может, даже кормить за свой счет! Эх, хозяин, ничего-то ты в жизни не понимаешь!

Ну, насчет кривая да косая – это вряд ли, никто референта, или кем там Ольга является, с такой внешностью в офисе держать не станет, как бы это дискриминационно ни звучало, но вообще странно. С чего это меня так растопырило? Только потому, что она не похожа на всех остальных женщин, что вокруг меня который год крутятся? Тем, что она обычная?

Странно. Нет, правда странно. Неужто до такой степени меня все достало?

– Отбываешь уже? – раздался из-за кустов козьей ивы голос дяди Ермолая, а следом за тем он и сам предстал передо мной. – Вроде не собирался?

– Ну, вот так, – развел я руки в стороны, чуть при этом не скинув со спины Родьку, который немедленно возмущенно заверещал. – Бывает.

– Жизнь, – понимающе кивнул леший. – Это понятно. Но ты же ненадолго, верно? Имей в виду, нонешний год земляники немного будет, больно весна выдалась холодная, потому сойдет она быстро.

– Да мне Антип по этому поводу уже мозг поклевал, – вздохнул я. – Варенье ему, видишь ли, варить приспичило.

– Дело хорошее, – лесовик недовольно глянул на мой вновь зазвонивший телефон. – А вот эту штуку убери. Не нравится она мне. В нее, видишь ты, карту вставили, да такую, что та меня перемочь в силах. Экая напасть!

Это он, должно быть, навигатор имеет в виду.

– Нет, я все одно тех молодцев, что тебя искали, закрутил по дорогам да обратно к шоссейке развернул. Но все одно не по нраву мне ваш прогресс! Нет в нем ничего хорошего!

– Каких молодцев? – насторожился я.

– А я тебе рассказать про то и забыл! – смутился вдруг дядя Ермолай. – Совсем старый стал, память что сито. Давеча они заявились. На повозке, вестимо, нынче на своих двоих только ты по моему лесу один и ходишь, остальным, как видно, такое невместно. В колдобине, той, что на повороте, где тритоны обитают, чуть автомобилю свою не разворотили, вылезли, дно смотрели, тебя материли всяко. Мол, забрался этот Смолин в дебри такие, что ни сказать, ни представить. Ну, я понял, что они по твою душу заявились, да и начал их по дорогам крутить. Подумал, что вряд ли твои друзья стали бы о тебе эдак говорить. А если они не друзья, то на кой с ними встречаться? Если бы не эта их штука с картой, то, может, вообще до болота бы довел да там кикиморе сдал с рук на руки. Уж она бы и их, и машину искупала в своей луже от души, не сумлевайся! А так нет, они повертелись полчаса, покрутились, а опосля к шоссейке выбрались. Постояли там у повозки, покурили, после ругаться начали, что, мол, дело-то не сделано, как уезжать? Но потом договорились на том, что… Как же один сказал… А! Что программа глючит. Не знаю, что уж они в виду имели, но на том все и закончилось. Убрались они восвояси.

– О как. А что за ребята? Не те, что ко мне в гости недавно приезжали, нет?

– Ну ты совсем-то уж меня не позорь! – обиделся леший. – Тех я помню, они судные дьяки. Я бы и дороги им путать не стал, потому как они люди служивые. Не положено нам им препятствовать до той поры, пока они бесчинства какие учинять не станут. Нет, этих раньше не видал.

«Программа глючит». А я все гадал, после того как в первый раз с Ольгой поговорил, чего это меня найти не могли? Хоть телефон и выключен был, но все равно есть такие программы, по которым его отыскать на карте можно. И вот отыскали. Другое дело, что найти человека и добраться до него в моем случае это совсем разные вещи, но тем не менее.

Интересно, от кого были гонцы? От Носова или от Ряжских? Склоняюсь к первому варианту. И если я прав, надо будет Илье Николаевичу дать понять, что настойчивость не всегда и не со всеми хороша. Нет, он ни разу не оригинален, Ольга Михайловна в свое время общение со мной такими же способами начинала строить, да и Яна Феликсовна что-то подобное устраивала. Правда, в последнем случае навязчивость побюджетнее выглядела, там финансовые возможности не

те, плюс давала о себе знать хваленая немецкая бережливость.

Ничего, я к ним Жанну на пару ночей отправлю, пусть нервы моему новому нанимателю попортит как следует. Без фанатизма, разумеется, но от души.

– Никак зря я так с ними? – уточнил лесовик.

– Не-не-не, – замахал руками я. – Я точно этих ребят в гости не звал, а значит, нечего им в Лозовке делать. Так что спасибо огромное.

– Ну и ладно, – дядя Ермолай щелкнул пальцами, и передо мной появилась неширокая тропинка. – Давай, ведьмак, топай на станцию. Скоро по чугунке поезд пойдет, знаю, что ты на него спешишь.

– Спасибо, – поклонился ему я. – Может, из города вам привезти чего? Ну, кроме хлеба, конфет да сахара? Может, куртку новую? Ваша-то скоро развалится совсем.

– Ты это брось! – погрозил мне пальцем лесовик. – Не по Покону. Что лес даст, то и стану носить. Да и ты, знаешь ли, не лешачиха, чтобы о моих обновках печься.

Принципы. Уважаю. И да, я не лешачиха.

– А Антипу твоему я земляники отнесу, – моментально сменил гнев на милость Лесной Хозяин. – Пущай варит свое варенье.

После этого разговора на душе стало тепло и светло. Все же вот какие у меня соседи по лесу да реке – заботятся обо мне, в обиду не дают. Ну а что время от времени чудачат – так что же? Это ничего. Это не страшно.

И благость эта держалась до той поры, пока снова не проснулся телефон, а случилось это уже в электричке, на которую я еле-еле успел, чуть ли не на ходу в нее запрыгнул. На этот раз меня хотел услышать Нифонтов. Видать, почуял, что о нем разговор совсем недавно шел. Может, икалось ему или уши горели.

– Саш, вообще-то, отключать аппарат на такой срок – это моветон, – сообщил мне оперативник. – Ну, или как минимум несерьезно.

– Если что-то серьезное случилось, то ты знаешь, где меня найти. Вечером по пустым дорогам от Москвы два часа езды. И это даже с учетом перекуса где-нибудь на трассе.

– Сено к лошади не ходит, знаешь ли, – возмутился оперативник. – Это не нам нужны мстительные призраки из списка, а тебе! Что это получается? Сначала мы их ищем, потом тебя, потом еще кого-то… Не знаю кого!

– Ой ли? Прямо так и не нужны? Да и слово «ищем», знаешь ли, немного необъективно. Крепко подозреваю, что просто один из них либо сейчас объявился, либо раньше напортачил, вы и подхватились.

– Не выспался, что ли? – немного обескураженно поинтересовался Нифонтов. – Очень уж ты сегодня резкий. Прям как понос!

– Есть такое, занесло маленько, – согласился с ним я. – Но скажи, угадал же? Угадал, да?

– И да, и нет. Связали кое-какие события с одной персоналией из списка – есть такое. Но почему? Потому что искали.

– Тебя не переспоришь, – признал я. – Ладно, кого вы там нарыли?

– Некто Антон Осьмянин, – ответил Николай. – Вернее, он сам себя называл Антуан, что наводит на определенные мысли. Помнишь такого?

– Помню, – на автомате кивнул я, хоть Нифонтов и не мог меня видеть. – Журналист, блогер, хроникер, звезда желтой прессы. Умер при странных обстоятельствах, которые в конце концов, и подозреваю, по всеобщему согласию, были квалифицированы как несчастный случай. Он, похоже, под конец жизни счел себя бессмертным, полез туда, куда не следует, и нарвался. Но это только мои предположения.

– Скорее всего, не слишком далекие от истины, но про это при личной встрече поговорим. Ты вообще сейчас где?

– В электричке, которая везет меня в Москву. То есть туда, куда я не хочу.

– Понимаю, сейчас на природе куда лучше. Но ты же в курсе, Саша, что работа сама себя не сделает?

– Я безработный. Не поверишь, даже не в курсе, где моя трудовая книжка валяется. Как отдавали – помню. Куда ее потом засунул – нет.

– Вот на все у тебя отговорки есть. Ладно, сегодня у меня со временем швах, а вот завтра нам бы хорошо повстречаться и кое-куда прокатиться. Не скажу, что покойный Антуан прямо вот уж сильно проказничает, на фоне наших предыдущих клиентов он скорее паинькой выглядит, но все же не дело, что по городу шатается призрак сомнительной ориентации и такой же добродетели.

– Прозвучало убедительно, – отметил я. – Лады. Ты тогда позвони, скажи, где и во сколько встречаемся. И еще, надо до выходных управиться, потому что крайний срок в субботу утром я на родительскую дачу уеду.

На минуту у меня мелькнула мысль о том, чтобы с ним сейчас побеседовать еще и о предложении Дары, но я тут же отмел ее как несвоевременную. О таком лучше глаза в глаза общаться, телефон тут скверный помощник. Нет, Нифонтов и при очной беседе соврет – недорого возьмет, да еще невероятно правдоподобно, но там хоть какой-то шанс появится понять то, насколько он честен со мной.

Ну а что до покойного скандального журналиста – если Николай прав и он в самом деле не такой уж злодей, то особых проблем возникнуть не должно. Я его даже особо мучить не стану, тем более что практика показала бессмысленность данного действа. Не желают миньоны своего господина сдавать, ну вот просто ни в какую. Прямо беспрецедентная верность, которая в жизни не встречается и возможна только после смерти.

Кстати, надеюсь, мои собственные приспешники все же около дома обретаются, а не шатаются невесть где вместе или по отдельности. Кто знает, что им в голову придет? Не ровен час, чего натворят, и потом мне за них придется ответ держать. А Покон – это вам не земной суд, тут договориться не получится.

Анатолия я у подъезда не увидел, но зато в квартире обнаружилась Жанна, которая немедленно полезла ко мне обниматься, попутно ругаясь на чем свет

стоит.

– Как ты мог уехать без меня? – верещала она. – У тебя совесть есть? Я тут сижу совсем одна, не знаю, в какой угол ткнуться!

– Слушай, ты прекрасно знала, где мы с Родькой находимся, – возразил ей я. – Вариантов не так и много. Опять же, я Толика предупредил.

– Все так, вот только я даже в лес войти не смогла, – насупилась девушка. – Прямо как невидимый барьер стоит, я в него тыкаюсь, словно муха в стекло, и все никак. То ли леший меня не пускал, то ли еще что – не знаю. Прямо как под куполом каким-то твоя Лозовка. Пришлось домой возвращаться. Я так злилась, так злилась!

Как любопытно. Надо будет с дядей Ермолаем поговорить, его это проделки или кто-то другой так распорядился.

– А где, кстати, наш Анатолий? – решил я перевести разговор в другую область. – Чего-то я его внизу не увидел.

– У Ряжских в доме дежурит, – пояснила Жанна. – Ну, или, может, он сейчас в офисе у Павла Николаевича ошивается. Старая кошелка нам неинтересна, она до сих пор в себя приходит, а вот муженек ее – другое дело, за ним глаз да глаз нужен.

– Все так плохо? – я проводил взглядом Родьку, который, выбравшись из рюкзака, отправился на кухню устраивать ревизию в холодильнике. Правда, перед этим он показал язык Жанне, что та попросту проигнорировала.

– Как я и говорила, он тебя боится, – пояснила девушка. – А такие люди, как Ряжский, от страха дел наворотить могут о-го-го сколько. Спала я с одним таким, он как-то кокса нанюхался до одури и рассказал мне, что партнера своего заказал. И ведь не потому, что его долю хотел захапать, а потому что боялся того, что тот раньше него то же самое сделает. Да еще этот Антон, охранник его, только и делает, что ему в уши дует, мол, этот Смолин непредсказуем, вдруг в следующий раз чего похуже удумает.

– С чего он так на меня окрысился? – изумился я. – Вроде нигде друг другу дорогу не переходили. Да мы в первый раз увиделись в больнице у Вагнера. Неужто за тот случай с данными по неугомонным покойникам? Так вроде это мелочь, обычный рабочий момент.

– Люди разные бывают, – философски заметила Жанна. – Кому-то рабочий момент, а кому-то обида на всю жизнь. Вот он на тебя зуб и затаил. И ведь, сволочь такая, сам мараться не хочет, подбивает Ряжского стрелка на стороне нанять. Не в открытую, намеками, но мы же все взрослые люди, все понимаем.

– Стрелок – это уже перебор, – возмутился я. – Не хватало только!

– В этой ситуации успеть первым будет правильно, – обняла меня Жанна. – Тут или ты, или тебя. Мы с Толяном, конечно, руку на пульсе держим, но мало ли?

Может, она и права. Заодно Морану побалую живой душой. И еще лучше будет по-другому сделать. Если Носов поймет, что я не его подчиненный, и начнет себя хорошо вести, можно будет обмен сделать, а именно Антона Пухее отдать. Вообще два в одном выйдет, и все будут довольны. Кроме Антона, разумеется, но его мнение по данному вопросу никого не интересует. Потому что злоумышлять не надо.

Вот только Николай со товарищи в эту схему хреново вписываются. А ну как пронюхают про этот размен? Или донесет кто. Мир не без добрых людей, равно как и нелюдей.

За всеми этими мыслями я как-то незаметно взял да и уснул. Бессонная ночь и духота электрички сделали свое дело.

Разбудил меня, как и следовало ожидать, телефонный звонок. Впрочем, то уже чудо, что мои неугомонные друзья дали мне поспать аж до седьмого часа вечера.

– Да? – хрипло произнес я. – Слушаю.

– Я подумала, – прозвенел в трубке голос Ольги. – Ситуация, конечно, странная складывается, но в этом есть что-то неформатное. Вечер у меня свободен, так

что если предложение в силе, то мы можем встретиться.

Интересно, это чистосердечный порыв или ей Александр объяснил, что надо пойти и со мной повстречаться? С него станется.

Впрочем, почему бы и нет? Лето, тепло, вечер, отчего же не прогуляться с девушкой по улицам Москвы, даже если она надумала примерить на себя образ Маты Хари? Кстати, да, в этом на самом деле есть что-то неформатное.

Или, как вариант, далеко идущее и существующее в моей голове только в виде разрозненных мыслей.

Через полчаса я вышел из подъезда и увидел довольно странную картину. Какой-то мужчина вручил водителю вызванного мной такси денежную купюру, после чего оно уехало в неизвестном направлении.

– Вот сейчас не понял, – сообщил я незнакомцу. – А ничего, что эта машина за мной приезжала?

– Александр, не стоит по этому поводу переживать, – дружелюбно заулыбался мужчина. – Пусть это будет самой большой проблемой в вашей жизни.

– В данный момент это она и есть. У меня на пунктуальности пунктик, а теперь по вашей милости я опаздываю.

– Простите, но не поверю. Не может уехавшее такси стать самой большой проблемой в жизни ведьмака. Причем не абы какого, а Ходящего близ Смерти.

Глава четвертая

– Впечатляющая осведомленность, – мигом подобрался я, не зная, что ожидать от этого человека. А может, и не человека даже. Мир крайне многообразен, это я уж наверняка знаю. – Вызывает уважение. Но, по сути, ничего не изменилось. Машина приходила за мной, не стоило ее обратно отправлять. Я, знаете ли, опаздываю, меня девушка ждет. Красивая.

– За последнее – спасибо, – незнакомец лукаво улыбнулся и отвесил чуть шутовской полупоклон.

– Да вроде не за что, – сказал я и придал лицу недоуменное выражение, хотя уже начал догадываться, что тут к чему.

– Комплимент всегда приятен, – голосом Ольги, той самой, с которой у меня была назначена встреча, возразил мужчина и звонко рассмеялся. – Даже если он адресован тебе лишь отчасти.

– Лихо, – признал я его правоту и даже обозначил свое восхищение парой хлопков ладошами. – И задумано, и провернуто. Я прямо ведь поверил. Да что там, я прямо ведь повелся! Очень круто. А теперь парочка очевидных вопросов – вы кто и зачем вам это все понадобилось?

– Вопросы резонные и справедливые, но тут все за пару минут не объяснишь, – мягко произнес незнакомец. – В свете этого и по той причине, что вы, Александр Дмитриевич, никуда больше не спешите, может, пригласите меня в гости? Просто по-свойски. Посидим, пообщаемся, попьем чайку. У меня и торт припасен. Да-да.

Он щелкнул пальцами, тут же открылась задняя дверь в припаркованной неподалеку от подъезда машине, из нее выскочил крепыш в деловом костюме, держа в руках пеструю коробку, перевязанную синей лентой, и направился к нам.

– Сам, знаете ли, испытываю слабость к кондитерке, – задушевно признался мне незваный гость, хлопнув ладонью по стенке коробки, в которой таился торт весом, думаю, килограмма в полтора. – Грешен. Люблю. Все понимаю – вредно сладкое в больших количествах для организма, но отказать себе в бисквите с масляным кремом не могу. Это выше моих сил.

Он всплеснул руками и печально потупился.

– Все мы рабы привычек, – снова согласился с собеседником я. – Крутят они нами, как пожелают. Вот и у меня есть несколько устоявшихся правил. Одно из них – в мой дом приходят только те гости, которые являются моими друзьями. В

крайнем случае – деловыми партнерами. Доброй волей, имеется в виду, приходят, с моего согласия. Бывает и по-другому, нечасто, но все же. Но тут ведь как: войдя куда-то, никогда не знаешь, выберешься ли ты обратно.

– Так давайте дружить, Александр Дмитриевич, в чем же дело! – немедленно предложил он и протянул мне руку. – Меня зовут Максим Максимович. Но вы можете обращаться ко мне просто по имени. Как между друзьями и водится!

Я окинул взглядом того, кто сначала так лихо обвел меня вокруг пальца, а сейчас втирается в доверие. Причем умело это делает, качественно. И дело тут явно не только в хорошем знании нейролингвистического программирования, тут задействованы механизмы похлеще. Больно голос у него мягкий, обволакивающий, да и интонации подобраны так, что волей-неволей хочется верить этому человеку. Опять же, он даже внешне располагает к себе. Не высок, не низок, не худ и не толст, средних лет, курносый нос, добрые и веселые глаза, белозубая улыбка, не сходящая с лица.

И это все означает только одно – верить ему никак нельзя. Даже если очень хочется. Потому что он явно из наших. Не знаю, каких именно, но из наших, тех, кто живет в Ночи. А значит, он всегда играет только на своей стороне, как, впрочем, и я.

Потому руку ему пожимать не стану. Да, это выглядит не очень красиво, но зато так поступить правильнее всего. Пожатие руки – принятие его предложения о дружбе, то есть переход на другую ступень отношений. По людским меркам – фигня, ничего не значащая. По Покону – свершившийся факт.

– Такое дело, только-только из сельской местности прибыл, – убрал я руки за спину. – Там рыбу ловил, одна красноперка была хворая, склизкая, снулая. Мало ли какую заразу подхватил? Не хватало только вам ее передать. Некрасиво получится: только познакомились – и на тебе!

– Очень ответственный подход к делу. – Максим убрал руку, чуть шевельнул подбородком, и крепыш с тортом удалился обратно к машине. – Уважаю людей, которые взвешивают каждый свой шаг и продумывают каждый поступок. С такими людьми можно иметь дело. Даже в том случае, если они стоят по другую от тебя сторону баррикад.

– Не припоминаю, чтобы я вообще выбирался в места, где находятся баррикады, – я присел на лавочку. – Мне в целом не по душе любые разновидности военных действий – от городских беспорядков до генеральных сражений. Я сторонник той теории, что лучше заниматься любовью, а не войной.

– Иногда случается так, что баррикады есть, а ты их не видишь. Просто потому, что про них не знаешь.

В этот самый момент из подъезда выскочила Жанна, как видно увидевшая в окно то, что я никуда не уехал, а вместо этого с каким-то неизвестным мужиком разговариваю. Я не афишировал тот факт, что собрался на свидание, но она у меня не дура, сама все поняла, потому даже до дверей меня провожать не стала. Впрочем, то уже хорошо, что за мной не увязалась, с нее станется. Но тут, как видно, не удержалась.

– Саш, у тебя все в порядке? – осведомилась она, обходя кругом моего нового знакомца. – Это кто?

В тот же миг Максим насторожился, выражение его лица изменилось, черты его как-то заострились, а после он повернул голову в ту сторону, где в данный момент стояла девушка.

– Могу я вас попросить, Александр… Ничего, что без отчества? Ну и хорошо. Так вот, попросите своего призрачного слугу так близко ко мне не приближаться. Я очень не люблю ощущать холод несмерти, он меня не пугает, но крайне раздражает. Неприятные воспоминания, знаете ли.

Ого. Впечатляет. Он Жанну, выходит, учуял, прямо как разыскная собака. Именно что учуял, а не увидел, с полом-то промашка вышла. Ситуация становится все интереснее и интереснее, я же теперь заснуть не смогу, пока не узнаю, кто он такой. Просто это что-то новенькое, до того мне неизвестное, а я люблю повышать свой профессиональный уровень.

И да, мы вряд ли с ним поладим. Не знаю еще, где именно я перешел ему дорогу, но вот наверняка знаю – не дружить нам. Точно не дружить. Не могу сформулировать точно, почему именно, эта уверенность появилась у меня на уровне подсознания, а чутью своему я привык доверять. Впрочем, на вражду без особой нужды нарываться тоже не стану, мне это ни к чему. Врагов и без него

хватает, равно как и проблем. Так что меня вполне устроит вариант «просто знакомые», он никого ни к чему не обязывает и оставляет пространство для маневра. Главное, чтобы и вторую сторону подобный расклад устроил, что не факт. Больно уж мягко товарищ стелет. Чересчур.

– Отойди, – велел я Жанне. – Уважим моего нового знакомого, не станем его раздражать.

– Саш, а он кто? – выполнив мою просьбу и отойдя к подъездной двери, поинтересовалась девушка. – Он медиум, как Франсуа? Или кто-то другой?

Да, было такое. В Берне я случайно свел знакомство с молодым парнишкой, который никаким краем к ночным делам не относился, но мертвых чуял будь здоров как. Он являлся природным медиумом и очень неплохо монетизировал этот свой талант. Хотя, как по мне, слишком уж он глубоко погружался в тайны небытия, потому рано или поздно это для него наверняка плохо кончится. Меры парень не знает. Я вот пару раз побывал на той черте, за которой начинался непроглядный первозданный мрак, мне этого за глаза хватило. Навь и то более приятное место.

– Пока сам не знаю, с кем свел знакомство, – закинув руки на спинку лавочки, ответил я своей спутнице. – Но не теряю надежду узнать, что да как.

– На всякий случай, чтобы потом не возникло недопонимания или претензий, я очень не люблю, когда меня пытаются контролировать, особенно без моего ведома. – Максим повернулся в ту сторону, где сейчас находилась Жанна. – И пресекаю я подобные попытки достаточно жестко, таковы мои правила.

– Признаться, у меня и в мыслях такого не имелось, – произнес я. – Зачем мне это нужно? Но ваши слова услышаны, не сомневайтесь.

– Интересно, «жестко» – это как? – задумчиво пробормотала Жанна. – Как думаешь, Саш? Ой!

«Ой» относилось к тому, что через нее в этот момент открыли дверь, как бы жутко ни звучала эта фраза. Троица развеселых подростков решила покататься на велосипедах, и им, разумеется, даже в голову не пришло, что они только что буквально располовинили призрак девушки.

У подъезда мигом стало шумно, поскольку к гомону этих спортсменов добавилась какая-то новомодная песня, звучащая из мини-колонки, присобаченной к рулю одного из велосипедов, и исполняемая человеком, который, кажется, перед началом музицирования засунул голову в унитаз. По крайней мере, голос его звучал именно так.

– Шумно, – подошел ко мне Максим. – Хорошо, не желаете вы меня в гости звать. Понимаю и разделяю, сам таков. Но, может, все же сядем за общий стол и преломим хлеб? И дело даже не в ритуале, тем более что он к нам не имеет никакого отношения. Просто за столом беседовать удобнее и комфортнее. Все же нам не по тринадцать лет, чтобы сидеть на лавочке и тереть о том и этом. Верно?

– Пожалуй, – согласился с ним я и поднялся на ноги. – Есть тут неподалеку неплохое заведение, где точно не отравишься. Да, меню не сильно пафосное, но зато порции большие. И десерты там неплохие.

– Так и чудно, идем, – Максим глянул в сторону двери. – Только давайте мы туда отправимся вдвоем. Без сопровождающих. Думаю, вы поняли, что я имею в виду?

– Хорошо, – кивнул я. – Эту просьбу я, пожалуй, выполню. Но и ваши помощники тогда пусть тоже тут останутся. Идет?

Говорил я не слишком громко, но и этого хватило для того, чтобы Жанна меня услышала, понятливо кивнула, показала непристойный жест гомонившим подросткам и устремилась к машине, в которой находились водитель, торт и крепыш, который бегал с ним туда-сюда. Уверен, что я наверняка что-то да узнаю, когда вернусь домой.

Или если вернусь. Увы, но до того момента, пока в замке не лязгнет ключ и я не перешагну порог квартиры, ручаться ни за что нельзя. Случалось в моей жизни и такое, что я выходил всего-то минут на десять, чтобы в тихой пескарийской траттории чашечку полуденного кофею откушать под тирамисушечку, а в результате ужинал аж в Ломбардии. Просто потому, что одному влиятельному синьору очень уж захотелось побеседовать с русским custode dei morti на темы жизни, смерти и судьбы. Италия в этом плане вообще большая деревня, один раз раскрылся перед кем-то – и все, прощай покой. Причем никого не интересует, хочешь ты общаться, не хочешь, это по их меркам ненужные условности. А еще

они ну очень гостеприимны. Кошмарно. Невыносимо. Они тебя окружают такой заботой и опекой, что начинаешь мечтать об общем наркозе.

Кафе, в котором я время от времени столовался еще до того, как уехал в Европу, за прошедшие годы совершенно не изменилось. Ну разве что цены маленько подросли в меню, но и только.

Максим Максимович заказал кофе и пирожное, я же решил не мудрить и поужинать по полной, тем более что обед я проспал.

– Итак, – сделав заказ, обратился я к своему теперь уже сотрапезнику. – Все-таки хочется понять, что же именно вам от меня нужно. Причем предлагаю обойтись без ненужных реверансов и мудреных аллюзий. Не будем тратить время.

– Снова резонно и разумно, – согласился со мной он. – Тогда начать, пожалуй, стоит с того, что вы, Александр, перешли мне дорогу. Причем серьезно. Настолько, что почти полностью уничтожили результат работы, на которую я потратил год жизни и очень много сил, тем самым скомпрометировав меня перед заказчиком. И по всему мне бы не говорить с вами стоило, а сделать все, чтобы вы умерли, причем желательно в мучениях.

– Ух ты! – проникся я. – И снова удивили.

Ну вот хоть какая-то ясность появилась. Правда, у меня сейчас есть сразу два равноценных варианта того, где именно я этому мутному товарищу насвинячил. Но, скорее всего, ноги все же растут из дома-дворца, стоящего за МКАД. Проще говоря, в Носове дело. То-то мне еще странным показалось, что у него столько комплектов почек не прижилось, и это при том, что оперировали его в лучших клиниках лучшие врачи.

– Думаю, вы уже догадались, о ком речь? – проницательно глянул на меня Максим. – Да?

– А почему вы выбрали столь долгий путь? – ответил вопросом на вопрос я. – Почему не уморили клиента как-то попроще? Есть же масса быстрых и хороших способов. Или это не ваш профиль просто, потому так и намудрили? Да и вообще, скажите уже, кто вы? Медиум-универсал? Или колдун?

– И не то, и не другое, – покачал головой собеседник. – Я ворожей. Потомственный ворожей. Еще меня можно назвать кудесником, и, по сути, это где-то будет правильно, но мне такое наименование самому не нравится. Так что все же – ворожей.

– Никогда не слышал. Про ворожей женского пола слыхал, но они вроде сродни тем же ведьмам. Или вовсе это одно из их наименований?

– Никогда не рекомендую в присутствии моих сородичей сравнивать их с ведьмами, – погрозил мне пальцем Максим. – Может возникнуть крайне неприятная, а то и опасная ситуация. Видите ли, речь идет о разной природе силы и, что важнее, разных областях ее применения. А самое главное, принципы существования на белом свете у ведьм и ворожей не совпадают совершенно. Для ведьмы главными ценностями в земной жизни является свое «я», желание во всем и всегда стать первой, а также власть во всех возможных проявлениях. Ворожеи безразличны к славе и власти, им важнее прикосновение к сокровенным тайнам прошлого и будущего.

– А для ворожеев что главное?

– Про всех не скажу, а для меня лично сложнее всего было дожить до того момента, когда пришло время уйти из отчего дома. Видишь ли, мы, мужчины, считаемся погаными овцами в стаде, – без смущения ответил мне Максим. – Нет-нет, феминизм тут ни при чем. Просто обычно у ворожей рождаются девочки, но иногда, крайне редко, на свет появляются и мальчики. Эдакая системная ошибка. Нет-нет, их никто не бросает с обрыва, не душит подушкой и не топит в реке. Напротив, они до какого-то возраста получают в полной мере все то же, что и их сверстницы, от еды до знаний, но при этом все дети мужского пола отлично знают, что являются сбоем в статистике и теми, кто занял чужое место. Даже их матери не скрывают своего неудовольствия. Ну а потом приходит время совершеннолетия, после чего девочки начинают постигать мудрость древних ворожей, ту, что была завещана им праматерями-берегинями, а мальчикам указывают на дверь. С этого момента у них нет дома и родных, они сами должны определять свой путь в этой жизни.

Праматерями-берегинями, значит? Как любопытно. То есть среди нас есть те, в ком течет кровь древних? Или это так, для красоты придумано? Ну вроде как лешие за папашу своего Велеса считают?

– Жестко, – отметил я. – Прямо Спарта вперемешку со средневековой Японией.

– Многие не справлялись с подобным прессингом, – вздохнул мой собеседник. – Кто руки на себя накладывал, некоторые в какой-то момент начинали лить кровь людскую направо и налево, мстя таким образом всему миру. Отчасти из-за них у нас, ворожеев, такая скверная слава в узких кругах. Почему в узких? Потому что в широких про нас вообще мало кто знает. Мы себя не афишируем, а наша бывшая родня женского пола про таких, как я, даже и говорить ни с кем не станет. Тем более что родня эта вообще живет достаточно уединенно, в заповедных местах, из которых время от времени выбирается в основном затем, чтобы отыскать подходящего мужчину для продолжения рода.

– И убивают каждого случайного путника, узнавшего об их селении? – не удержался я от колкости. – Или даже сжигает в огромной плетеной статуе?

– Нет, это выдумки кинематографистов, – отмахнулся Максим. – Не такие они и дикарки. Там все, как и в любом другом населенном пункте. Есть электричество, почта, телевидение банкомат, даже интернет. Но всего этого ровно столько, сколько нужно, без излишеств, остальное остается таким же, каким было во времена первых великих матерей. Сберечь основы бытия, первозданную красоту и чистоту для моей родни крайне важно. Впрочем, с недавних пор они на этом еще и деньги зарабатывают, причем неплохие.

– Это как же?

– Экодеревни, «назад в прошлое», «прикоснись к истокам» и так далее, – рассмеялся мой сотрапезник. – Сейчас такие проекты в моде. Это очень удобно, теперь им не надо даже ехать никуда, чтобы найти персоналию, с которой можно возлечь на ложе для продолжения рода. Интересуются такими вещами, как правило, люди, следящие за своим здоровьем и близкие к славянской культуре, так что просто смотри на группу туристов да выбирай мужика, который тебе подходит. Дальше в дело идет питье с наложенным на него заклятием – и все. Утром турист не вспомнит, что было ночью, а род ворожей через девять месяцев пополнится новым ребенком.

– Если они еще и налоги платят на пару со мздой кому надо, то я уж и не знаю, что сказать.

– Налоги – может быть, а что до остального… Как-то само собой получается так, что люди, которых матери-покровительницы видеть не желают, сами огибают их поселки стороной.

– Прямо уж само собой?

– Ну, не то чтобы совсем, – лукаво подмигнул мне он. – Но не суть. Итак, я ворожей. Могу вылечить, могу убить, могу отвести глаза, могу помочь отыскать скрытое. Много чего могу.

Вылечить – это интересно. Это я запомню. И про родственниц твоих тоже не забуду. Сдается мне, они любой ведьме фору в вопросах лечения дадут только в путь, а мне это на руку. Другое дело, что вряд ли они вот так сразу пожелают со мной общаться. Но то со мной, а вот с сотрудниками отдела – очень даже может быть. Особенно если учесть, что в Ночи никогда не знаешь, кто кому и что должен.

– Мои поздравления, – сказал я. – Широкий спектр умений есть гарантия востребованности. О, снедь несут!

– Все так, – дождавшись, пока официантка удалится, перед тем поставив перед нами еду. – И что же выходит? Я выполняю серьезный заказ, почти добиваюсь успеха, и тут вмешиваетесь вы, ломая выстроенную мной довольно сложную конструкцию.

– Проще говоря, поднимаю на ноги Носова? – терзая истекавшую соком котлету, уточнил я. – Верно?

– Именно, – подтвердил Максим.

– И вот тут снова спрошу, к чему такие сложности? Вот вы его год мурыжите, сами сказали. Так почему было просто не отправить его на тот свет за пару-тройку недель? Или даже быстрее. Не думаю, что это серьезная проблема.

– Так захотел мой работодатель. Ему нужно, чтобы ваш наниматель умирал медленно и мучительно. Может, это вопросы личного характера, может, какие-то бизнес-соображения – я не знаю. Да мне это и не очень интересно. Была

поставлена задача – человек должен каждой клеткой своего тела ощущать, как он переходит в мир иной. Я ее выполнил. Все шло к финалу, и тут я узнаю, что господин Носов дал пресс-конференцию, на которой выглядел веселым и бодрым. Чуть ли не сальто крутил на глазах журналистов. А на банкете после мероприятия еще виски глушил. Мало того, увез с собой какую-то молоденькую журналистку, причем явно не с целью дать ей эксклюзивное интервью.

– Ну, думаю, оно тоже состоялось, – отхлебнув морса, предположил я. – Да просто наверняка.

Нет, точно Носов запланированный мной месяц не протянет, сгорит как спичка. Слишком уж активно принялся жить.

– Возможно, – Максим отколупнул кусочек пирожного ложечкой. – Патрон, разумеется, тут же высказал мне свое «фи». И он, согласитесь, имел на это право. Я заверил его, что через две недели на одном из самых престижных кладбищ Москвы состоится пышная церемония, в процессе которой его главный конкурент переселится под землю, а вместо этого потенциальный покойник развязывает против моего нанимателя бизнес-войну.

Ну вот теперь я знаю, кто твой хозяин. Это господин Белозеров Вадим Евгеньевич, серьезный бизнесмен, калибром чуть ниже Носова. Формально они давным-давно дружат, а по жизни соперничают. Вот только Илья Николаевич всегда, еще с конца девяностых, всегда был на полкорпуса дальше Белозерова. Я все это выяснил еще тогда, когда мне Анатоль рассказал про подслушанный в доме Носова разговор о том, что настало время атаковать бизнес заклятого друга.

Воистину, пауки в банке. Хотя фиг знает. Может, Носов о чем-то таком догадывается? В смысле, предполагает, кто и как его неторопливо в могилу сводит? Хотя нет, вряд ли. Не тот у него характер. Он бы действовал жестче.

Но опять же, куда жестче? Для людей бизнеса, таких, какими являются и он, и Белозеров, потеря дела жизни куда страшнее, чем смерть, к примеру, от пули. Пусть даже и мучительная, а не моментальная. Я еще в свою банковскую бытность слышал жутковатые истории про то, что творилось с разорившимися бизнесменами. Один стрельбу в офисе конкурента устроил, другой в психушку уходил, третий вообще самосожжение в своем бывшем офисе устроил. Так что

кто знает, кто знает…

Но вот то, что я оказался между этих двух жерновов, – это очень плохо.

– Может, все-таки закажете себе что-то посытнее десерта? – предложил собеседнику я. – Котлеты дивно хороши, как и пюрешка. Натурально из картофеля, не порошковая. По нашим временам большая редкость.

– Что дело не в чудесах фармакологии и что это не последняя вспышка активности перед, смертью я понял сразу, – никак не отреагировал на мое предложение Максим. – Ну а дальше я начал собирать информацию – кто, как, когда.

– Выходит, посвистывает кто-то из прислуги Носова, да? А уж как он мне заливал про то, что чужих меж ними нет.

– Блажен, кто верует. Деньги и кое-какие мелкие услуги, связанные с личным здоровьем, могут поколебать любую верность. Да и вообще нет таких моральных устоев, которые не проломили бы пусть аморальные, но зато крайне выгодные предложения.

– И что дальше? – я зачерпнул ножом из стоявшей на столе розетки горчицы и намазал ей кусок котлеты, вздетый на вилку. – Как быстро вы добрались до меня?

– Не стану врать, не сразу. Сначала грешил на какую-то особо глупую и алчную ведьму, по жадности своей влезшую не туда, куда следует. Мандрагыр… Вы же использовали мандрагыр, верно?

Я передернулся от остроты приправы, а после кивнул.

– Так вот, это их метода, они отлично умеют выжимать из упомянутого корня все соки. Но задачка с ответом не сошлась, я узнал, что в доме Носова несколько раз побывала не женщина, а молодой мужчина. Здесь я перестал злиться и принялся наводить справки о том, кто же это может быть такой. Вот тогда-то я и узнал, что в Москве несколько лет назад появился молодой, да ранний ведьмак, который впутался в несколько нехороших историй, умудрился сцепиться с

наследником Кощея и в результате того прикончил, после куда-то на время запропал, но недавно вернулся. Ну а когда я услышал, что вы еще и Ходящий близ Смерти, то все окончательно встало на свои места. Все, кроме одного – как Носов умудрился вас к себе привязать? Мне говорили, что пугать вас бессмысленно, вы от этого только злее становитесь, за деньгами не гонитесь и к власти над кем бы то ни было не стремитесь.

– Он забавный, – ответил я. – Он меня веселит. Плюс ко всему у него в активах значится пара этажей в Москва-Сити, а мне нужно помещение для офиса. Подумываю ИП открыть.

– Ну, не желаете – не говорите. Не так это и важно. Так вот, дальше я допустил ошибку, сказав своему нанимателю о том, кто именно влез в наши планы. Вернее, он случайно про это узнал и решил лично с вами разобраться, не поставив меня о том в известность. Дома вас его люди не отыскали, проведали, что вы сейчас за городом, в некоей Лозовке, и отправились туда. Правда, и тут не преуспели, просто-напросто до нее не добравшись.

А, так вот о ком дядя Ермолай говорил, вот кого он по лесу крутил. Теперь ясно. Жалко, конечно, что вовсе этих молодцев в болоте не утопил. Явно же они со мной не просто поговорить ехали.

– Я когда про это узнал, очень рассердился, – виновато глянул на меня Максим. Прямо настолько искренне, что не поверить ему было очень сложно. Приблизительно так же, как в то, что он не знал про эту поездку. – Понятно, что навредить они вам не навредили бы. Прищучить ведьмака да на его земле? Право, даже не смешно. Но все же!

– Кто знает, – многозначительно поднял правую бровь я. – Земля землей, а пуля пулей.

– Главное, что все закончилось хорошо, – примирительно произнес мой новый знакомец. – Полагаю, не без помощи местного Хозяина. Ведь так? Ну, неважно. Вот только проблема никуда не делась. Ваш пациент, назовем его так, бодр и свеж, словно хвори и не бывало. И ладно бы он расходовал силы на какие-то радости бытия, вроде водки и женщин. Нет. Он, как я уже упомянул, атаковал бизнес моего работодателя. Да попросту вцепился ему в горло, как бойцовский пес, и не собирается разжимать клыки, пока не добьется победы. Вопрос – что

делать станем?

– Понятия не имею, – признался я, отодвигая от себя опустевшую тарелку. – Но готов выслушать ваше предложение. Оно же есть, верно?

– Верно, – кивнул Максим. – Причем самое незамысловатое. Вы, Александр, просто отходите в сторону и не вмешиваетесь, тогда, когда ваш патрон поймет, что все возвращается на круги своя. Зелья у него, думаю, где-то на месяц припасено, не больше, а после того он снова станет развалиной, за которой вот-вот придет ваша Хозяйка. И если вы не вмешаетесь, он умрет. Всем хорошо, все довольны. Мой заказчик получит его бизнес, я свой гонорар, а вы мою признательность и некую моральную компенсацию, размер которой можно обговорить прямо сейчас.

Интересно, а каков твой гонорар, ворожей? Не думаю, что речь идет о деньгах. Нет, тут что-то другое, более весомое.

– А если нет? Это не отказ, я просто хочу понять полноту перспектив.

– Тогда мы точно окажемся по разные стороны тех самых баррикад, о которых я упоминал в начале разговора. Тогда нам придется воевать, поскольку вы станете врагом, который мешает мне достичь намеченной цели. Но мне бы этого очень не хотелось. Не потому, что я исключительно миролюбив или не знаю, как свести со света недоброжелателя. Нет. Я, как и вы, просто не люблю воевать. Только причина другая – мне жалко тратить силы и время на бессмысленный, по сути, процесс.

Темнит Максим Максимович. Точно темнит. Не в миролюбии дело, в чем-то другом. Вот только в чем?

– Ну вот, – обрадовался мой собеседник. – О том и речь. Наконец, вы же не преторианец, чтобы хранить верность тому, кто обречен? Носов почти что мертв, это известно нам обоим. Да и вообще вы случайно впутались в эту историю, вот и все. Стоит ли ломать себе жизнь? Просто отойдите в сторону, Александр, и дайте мне закончить мое дело.

– Да и рад бы, но есть одно но, – вздохнул я. – Вернее, два. Самолюбие и упрямство. Не знаю, рассказали вам про них или нет, но это основные черты

моего характера, проявляющиеся в подобных ситуациях. Проще говоря, почему я должен отойти, а не вы?

– Почему? – Максим впервые глянул на меня расчетливо и жестко, без иллюзорной теплоты. – Потому что я об этом вас прошу. Пока именно прошу. И мне очень не хотелось бы от просьб переходить к более неприятным способам убеждения. К тому же, помимо этой просьбы, имеется еще и очень выгодное и перспективное предложение, которое я изложу вам тогда, когда мы достигнем согласия по первому вопросу.

Глава пятая

– Вы кое-что забыли сделать, – укоризненно глянул я на ворожея и промокнул губы салфеткой.

– Что же?

– Сдвинуть брови и сказать «бу», – пояснил я. – Тогда картина будет законченной. А так не очень получилось. Мне сейчас не столько страшно, сколько смешно.

– Да? – чуть опечалился Максим. – Но я старался! Нет, правда старался.

– Это было заметно, – утешил я его. – И поверьте, года четыре назад вы бы смогли добиться цели, убедив меня в том, что все сказанное правда.

– Собственно, я ни в чем и не соврал, – обиделся мой сотрапезник. – Ну, почти.

– И это «почти» определяющее. На нем все крепится.

– Но попробовать все же стоило, – заметил ворожей. – А вдруг?

– Азартны вы, Максим Максимович, риски не соразмеряете. Кстати, имя-то настоящее? Или нет?

– Настоящее. Что до азарта – оставьте. Какой там риск?

– Самый что ни на есть серьезный. – Я откинулся на спинку стула и погладил себя по животу. – Уф, наелся. Так вот, вы же, мил дружок, по сути, в убийстве сознались. И не каком-то там, а с применением, скажем так, особых умений. Понятно, что для следственных органов и прокуратуры подобный рассказ явится исключительно основанием для сдачи меня в психушку. А вот группа лиц, квартирующих на Сухаревке, напротив, с большим интересом меня выслушает. И им никаких дополнительных доказательств для открытия дела не понадобится. Вы же знаете, о ком я речь веду?

– Кто из обитателей столицы и ее окрестностей про отдел 15-К не в курсе? Вот только не пойдете вы к ним, Александр. Случай не того толка. Не стоит овчинка выделки.

– Поясните, – заинтересовался я. – Назовите хотя бы пару поводов.

Нет, я и в самом деле не пошел бы по поводу этого хлыща к отдельским, на то действительно имелись аргументы, но мне было интересно, верно он назовет главный из них или нет.

– Репутация, – передернул плечами Максим. – Шила в мешке не утаишь, уже на следующий день все, кто имеет уши и следит за тем, чем живет город в Ночи, будут знать, что Ходящий близ Смерти – информатор судных дьяков. Это клеймо, которое не свести и за сто лет. Одно дело – прибегнуть к их помощи в столкновении с наследником Кощея, это понятно и логично. У вас совпали цели, вы использовали их, а они вас. Но тут другой случай. Я вам не враг, пришел не войну объявлять, а договариваться. Да и вообще, все, что происходит в Вегасе, остается в Вегасе. Мы это мы, они это они. Бывает, что дорожки пересекаются, но не так это часто происходит.

– Положим, вы правы, – согласился я. – Ладно, признаю, не стал бы я вас закладывать. Но все равно вот так, с открытым забралом… Зачем?

– Я на самом деле не хочу войны, – лицо Максима затвердело. – Наши интересы сошлись в одной точке, уж так случилось, и теперь кто-то должен сдать назад – или вы, или я. И это лучше решить здесь, за столом, чем в каком-то темном переулке.

– Вот уж не факт, – усомнился я. – Сомневаюсь, что дело до настоящей драки дошло бы.

– Да непременно. И инициатором выступили бы вы. Все просто: ваш принципал начал бегать, как молодой олень, и если это продолжится, то я буду вынужден перейти к более жестким методам воздействия на него. Вы, соответственно, начнете копать, с чего это Илья Николаевич вдруг снова слег и засобирался на тот свет. Думаю, в конце концов вы вышли бы на меня. Может, до его смерти, может, после, но тем не менее. И вот тут любые разговоры, увы, стали бы невозможны. Не потому, что я не захотел бы общаться, а потому, что вы упертый господин, так говорят многие, кто с вами сталкивался. Закусили бы вы удила, сто к одному. Кто из нас сильнее? Не знаю. Может, вы, может, я. Да это и неважно. Я бы проиграл в любом случае, даже если бы вас убил.

Вот оно что. Вот он почему пришел со мной договариваться. Он боится тех, кто стоит за моей спиной. Братов-ведьмаков опасается и того, что они с него за мою смерть спросят.

– Да. – Как видно, тень догадки отразилась на моем лице. – Я один, вы – нет. У вас есть род, семья, которая не спустит вашу смерть никому. Да и кроме них, есть те, кто подобное не потерпит, немал ваш круг общения. Та же Марфа, например, разозлилась бы, вы же с ней какие-то дела ведете. На вас ей плевать, но она терпеть не может, когда кто-то вторгается в ее планы. Так вот мне этого не нужно. Я вообще сторонник мирного и взаимовыгодного сосуществования и сотрудничества. И предложение мое, кстати, чистая правда.

– Это какое? На предмет в сторону отойти и не отсвечивать?

– Именно. Что вам дался этот Носов? Если вопрос в деньгах – не проблема, просто назовите цифру. Если дело в самолюбии, дескать «мой девиз не отступать и не сдаваться», – простите, не поверю. Я изучил вашу биографию, вы в прошлом банковский служащий. Люди с подобными закидонами в этом бизнесе подолгу не работают. Финансы любят гибкость разума, а не принципиальное твердолобие.

– А что вам дался ваш наниматель? – ответил вопросом на вопрос я. – Ну да, вы приняли заказ первым, потратили время, все такое… Но этого как-то мало для железобетонных оснований вашей правоты.

– Будете смеяться, но и тут дело в репутации, на этот раз, правда, уже моей. Если я провалю заказ, информация об этом моментально распространится в тех кругах, где я вращаюсь. Скажем так, это некий крайне узкий теневой рынок услуг, где все всех знают. Провал – жирная клякса в моем резюме, до того почти безукоризненном. Причем никого не интересует, отчего так случилось, важен факт – я не смог выполнить то, за что взялся. Это снизит как мою личную профессиональную ценность, так и суммы гонораров. А я, знаете ли, к деньгам отношусь крайне щепетильно. У меня есть цель – хочу себе остров купить где-нибудь в краях, где круглый год лето. Причем не какой-то маленький островок размером с ладошку, без воды и электричества, а большой, как у Робинзона Крузо. Может, даже с местным населением, чтобы скучно не было. Буду там жить-поживать, коктейли попивать, манго их закусывать и на яхте плавать вокруг своих владений. Вас вот в гости позову. А почему бы нет? Лазурное море, белый песок, «май-тай», смуглые ласковые туземки – что еще нужно для счастья?

– Хорошая цель, – признал я. – Достойная. Уважаю.

– Я не требую ответа прямо сейчас, – Максим выложил передо мной визитку. – Понимаю, надо подумать. И все же здесь для вас плюсов больше, чем минусов. Деньги вы получите так и так, а вдобавок к ним мою личную признательность. Поверьте, я всегда плачу свои долги.

Я молчал, смотрел на него, переваривал ужин и услышанное. И ведь что любопытно, а он в чем-то прав. Деньги – это ладно, не они главное. А вот иметь среди должников эдакого товарища очень выгодно. Понял я, в каких таких узких кругах он общается, слышал о них пару раз. В любом крупном городе такие, как он, водятся. Он чистильщик, наемный убийца, их еще «бесследниками» называют. Потому что ни один следователь, даже самый гениальный, не сможет найти следов того, что человек умер не сам, не от естественных причин. Все всегда выглядит абсолютно естественно, хотя бы потому, что так оно и есть на самом деле. Вон крякни Носов, и все было бы нормально. В том смысле, что самое тщательно проведенное вскрытие указало бы на естественные причины смерти. Бог дал, Бог взял.

А может, еще и укажет. Что мне этот Носов? А чересчур шустрого Александра во избежание неприятностей я, например, Маре скормлю. Авансом за последующие услуги и из чувства личной симпатии.

Если бы еще не отдел с их задолбавшей всю ночную столицу любознательностью. Вон лучше бы вместо того, чтобы мне покою не давать, таких, как этот Максим Максимович, ловили. Вот кто точно их клиент. Но нет, им удобнее меня донимать и во всех грехах винить, чем подобных ему выслеживать.

Хотя, конечно, они про них не знать не могли. И, думаю, искали. И даже, наверное, находили. Только не всех, и подтверждение тому сидело напротив меня.

Или не хотели находить по какой-то причине?

– Подумаю, – припечатал ладонь к столу я. – Ну а если все-таки нет?

– Значит, нет. Проверим, у кого знаний и силенок больше. Если у меня, то Носов умрет. Если у вас, значит, мне придется отправить на тот свет господина Белозерова, то есть остаться без гонорара. А по-другому никак, больно уж он человек мстительный, властный и вредный. Не даст же мне покоя, замучает своим нудежом. Хотя именно это меня особо не печалит, я и так уж едва сдерживаюсь, чтобы ему болячку какую-то не обеспечить. Но самое досадное, никакого потенциального партнерства в будущем между нами уже точно не случится.

– Если не секрет, о каком партнерстве речь? Просто варианты разные в голову приходят.

– Ну не физиологическое же, – рассмеялся Максим. – Профессиональное. Нет-нет, я ни в коем разе не говорю о том, чтобы вы примкнули к моему цеху. И вам это не нужно, да и вас в нем не примут. Вы Ходящий близ Смерти, то есть персона в каком-то смысле публичная, находящаяся в поле зрения слишком большого количества людей и нелюдей, в силу своей определенной уникальности. Так же, как сноходцы, например, или Хранитель кладов. Но кое-какие совместные и взаимовыгодные операции мы могли бы проворачивать, причем даже без ярко выраженного… Кмх… Криминала. Финансовый шпионаж, то-се. Ваши подручные добывали бы информацию, а я бы ее монетизировал.

Забавно. Я недавно о чем-то таком как раз думал.

– Подумайте, Саша – собеседник подвинул свою визитку поближе ко мне. – Взвесьте все за и против, а после позвоните. Лично я очень хотел бы стать вам другом. А лучше – компаньоном. Кровь Змиулана в наших венах не течет, деньги к рукам сами не липнут, потому хочешь не хочешь, а приходится крутиться самим. Как потопаешь, так и полопаешь.

– Слушай, а ты вот Хранителя кладов упомянул, – решил перейти на «ты» я. – Лично с ним не знаком?

– Нет, – покачал головой Максим. – Но видеть видел. В шаурмичной на «Парке культуры» как-то сидел обедал, он как раз туда заглянул. Заказывать ничего не стал, с Абрагимом пошептался минут пять, и поминай как звали. Молодой парень, крепкий, улыбчивый. И не скажешь по нему, что он слуга Полоза. А еще я слышал, что он вроде как с ведьмой сожительствует, что совсем уж ни в какие ворота. Хотя, может, и врут.

А вот это интересно. Я с Абрагимом нормально лажу, может, через него на этого узкого специалиста по поиску скрытых в земле сокровищ и выйду.

– Ладно, пойду я, – Максим поднялся из-за стола. – Был рад познакомиться. Да, люди моего нанимателя тебя не побеспокоят, за это ручаюсь. И еще вот что… Только не воспринимай это как угрозу, ладно? Просто иногда случается так, что для очищения репутации оплошавшему приходится устранять те причины, которые привели к неудаче. Мою позицию на этот счет ты уже знаешь. Мне очень не хочется выяснять, кто из нас с тобой более умел и живуч. Но если меня поставят перед фактом, выбор будет невелик – либо ты, либо я. Впрочем, еще есть вариант, в котором кто-то из нас покидает Москву, но он тоже не ахти.

– Позвоню, даю слово, – я демонстративно положил его карточку в карман. – И рад знакомству.

И на этот раз я протянутую мне руку пожал. Моя точка зрения не изменилась, друзьями мы вряд ли станем, но дружба и не является обязательным условием для потенциально взаимовыгодного сотрудничества.

Впрочем, так далеко заглядывать тоже не стоит. Слишком уж мой новый знакомый мягко стелет, настолько, что спиной к нему я точно не повернусь. Потому и судьбинушку господина Носова считать решенной рановато. Пускай он

еще немного покуражится, ощущая радость бытия, а я пока подумаю, что с ним да как. И кое с кем еще на этот счет пообщаюсь.

Цинично? Может быть. Но и справедливо, и это ни разу я себя сейчас оправдывать не пытаюсь. Просто такие, как Носов и ему подобные, в какой-то момент людей тоже перестают за людей считать. Профдеформация в чистом виде. Для них все человечество превращается в нечто одно объемное целое, имя которому «потребители». Или «электорат». Еще, как вариант, «целевая аудитория». Все зависит от сферы бизнеса. Исключение составляют ему подобные, некоторая часть обслуживающего персонала и иногда на время какие-то люди, которые могут быть полезны, вроде меня. Ну и конечно, те, кто стоит над ними.

Так что в данном случае я просто играю в его же игру по его же правилам. Просто он забыл, что в нее можно играть вдвоем, а мне оно вроде как и ни к чему было.

Жанна, ждавшая меня дома, в ответ на мой вопросительный взгляд только руки в стороны развела.

– Нечего мне тебе рассказывать. Эти двое, что в машине сидели, обо всякой ерунде трындели, вроде футбола и задницы какой-то Светки. Про этого мужика – ни единого слова. А как он появился, так сразу заткнулись словно воды в рот набрали. То ли вышколил он их так, то ли боятся они его – не поймешь.

– Ясно.

– А еще он, как в машину сел, так сразу башку ко мне повернул, рожа у него злая стала и как рявкнет: «Брысь отсюда!» Я решила, что лучше так и сделаю. Мало ли до чего ты с ним договорился.

Мой косяк, не предупредил я ее о том, чтобы она сразу сваливала, как его заприметит. Жанна – девочка умная, но иногда все же тупит. Как, впрочем, и я.

Ну да ладно, ничего страшного. Даже если мой новый знакомый отнесет случившееся на мой счет, то меня это не сильно печалит. Мне с ним детей не крестить.

Нифонтов мне в этот день так и не позвонил, вместо этого он ни свет ни заря сам заявился ко мне в гости.

– Ничего, что я без звонка? – осведомился он от порога, причем не переступая его. – Не прогонишь?

– Гость в дом – радость в дом, – изобразил гостеприимный жест я. – Проходи.

– Пожрать чего есть? – потер осунувшееся лицо ладонью он. – Со вчерашнего дня крошки во рту не было. И это… Мне бы умыться, если можно. В таких дебрях всю ночь шарахался – жуть. Хватает еще в столице медвежьих углов, причем в самом прямом смысле.

– Ванная тут, – ткнул я пальцем в дверь, на которой с незапамятных времен висела овальная фигулька с изображенной девчушкой, стоящей под душем. Счастливое и безоблачное прошлое, никто в этих безобидных предметах и не думал усматривать мотивы педофилии.

Снять ее, что ли, от греха? И вторую, с туалета, ту, на которой писающий мальчик изображен, тоже?

– Мое почтение всем тут обитающим, – заглянул в комнату Нифонтов и помахал рукой.

– Да пошел ты, – фыркнула Жанна, глядя на оперативника. – Сто лет бы тебя не видеть.

– И то правда! – пробурчал Родька из-под кресла. – Тоже мне гость. Приперся с пустыми руками, да еще корми его. Не надо нам таких гостей!

– Они тоже очень рады тебя видеть, – хлопнул я Николая по плечу. – Иди умывайся, а я чайник поставлю пока.

– Врун! – одновременно сообщили мне слуга и спутница.

Ну вот невзлюбили мои домашние сотрудника отдела. Впрочем, есть такое ощущение, что они вообще никому, кто приходит сюда, не рады. Ну, кроме разве

Вавилы Силыча.

– Так что там с товарищем Антуаном? – спросил я у Николая, когда тот маленько подкушал и с немалым удовольствием пил третью чашку чаю, в которую перед тем кинул пять кусков сахару. – Я глянул по нему кое-какую информацию – он был шалун, причем изрядный. Говорил много лишнего, часто выдавал свои фантазии за факты и искренне верил в то, что гениален как журналист.

– Все так, – подтвердил Нифонтов. – А еще любил разоблачать все и вся, даже в тех случаях, когда это было откровенно нелепо или небезопасно. Потому и нашли его как-то утром синенького и холодненького в машине на подземном паркинге одного из торговых центров. Мигом поставили диагноз «разрыв сердца», выписали отказную по открытию уголовного дела, кремировали и похоронили.

– Может, правда он до чего-то такого докопался? – предположил я. – Раз в год и палка стреляет. Не исключено, что он сам не понял, что залез не туда.

– Одна из последних статей была о том, что кое-кто… – Нифонтов многозначительно глянул на меня и ткнул пальцем в сторону потолка. – Кое-кто играет в той же лиге, что и сам Осьмянин. В половом смысле. Так это, нет – уж не знаю, но, положа руку на сердце, крепко в этом сомневаюсь. Там человек, во-первых, в том возрасте, когда даже и гетеросексуальные излишества уже не сильно нужны, а во-вторых, прошедший через горнило девяностых, пяток локальных войн и все остальное прочее, что к нашей действительности прилагалось. Знаю, подобная характеристика не показатель, всякое случается, но тут все же есть ряд обоснованных сомнений. Но вот в то, что он, узнав о себе новые интимные подробности, запросто мог дать распоряжение смутьяна Антошку закопать, как картошку, верю сразу. И даже не осуждаю подобное решение, хоть служебное положение меня к этому обязывает. Ну, просто всему предел должен быть, даже в разрезе скандальной славы.

– Поддержу. Тем более что не так уж много с уходом эдакого красавца общество потеряло, – усмехнулся я. – Мне другое интересно. Слушай, а как этот Осьмянин на такое кладбище попал? Ему вроде по штату не положено, не того калибра особа.

– Да у него дед был о-го-го какой – генерал, конструктор и так далее. Этот участок ему государство еще в те времена выделило. Грех такое говорить, но хорошо, что он не дожил до того времени, как внук взрослеть начал, и раньше помер.

– Твоя правда, – согласился с ним я. – Но вот еще одна странность – отчего его колдун в свою свиту взял? Вспомни предыдущие мишени – злодей к злодею, один другого краше, что при жизни, что после смерти. И тут на тебе скандальный хроникер, да еще и из заднеприводных. Как-то не монтируется.

Я, кстати, этот момент еще тогда отметил, когда самое первое досье читал, то, которое забраковал как халтуру, чем и вызвал неприязнь у нового начальника охраны Ряжских. Правда же нелогично: в одной компании собрались бизнесмены, политики, уголовник – и вдруг вот такое чудо в перьях, которое тяжелее телефона сроду ничего в руках не держало. Логики нет.

Если только для смеху Кузьма его в свою бригаду включил. Или, может, для ровного счета? Времени, к примеру, у него не оставалось для того, чтобы кого-то получше найти? А может, хотел всю гамму людских профессий собрать. Среди «отвратительной восьмерки» ведь еще один представитель творческого цеха есть, правды ради.

Впрочем, это не столь и важно. Мало того, мне такие расклады только в радость. Посмертие ведь во многом определяется тем, как ты при жизни существовал, и не только в смысле воздаяния за дела. Возьмем, к примеру, моего предыдущего фигуранта, господина Смелкова. Вон в какую тварь он превратился, причем довольно-таки быстро. А почему? Да потому что в нем и под конец той, земной жизни, людского уже не сильно много оставалось, а переход на другую сторону бытия эти остатки окончательно выжег. Не сразу, разумеется, постепенно. Но еще пара-тройка месяцев, и крови на той стройке пролилось бы куда больше, вошел бы он во вкус и начал рвать всех подряд – и причастных к охулке его бывшего имени, и непричастных. Любых. Главное – живой крови напиться, той, которую бывший бизнесмен и в земном своем воплощении уважал. Не в прямом смысле, конечно, но тем не менее.

А Осьмянин этот персона куда более мелкотравчатая. Если Смелкова можно сравнить, к примеру, с волком, который рвет своего противника клыками, то Антошка при жизни был комаром, который под покровом темноты кровь из жертвы тянет и в сторонку отлетает при простом взмахе ладони. Вряд ли на

новом пласте бытия в нем что-то изменилось.

– Без понятия, – ответил на мой вопрос оперативник, монтируя из сыра, хлеба и колбасы некую конструкцию, которую бутербродом назвать было уже сложно. – Подобные мелочи ни на что не влияют, потому тратить время на их осмысление считаю нерациональным. А вот то, что этот паразит потихоньку от безобидных шалостей переходит к откровенному насилию, меня совершенно не устраивает. На модном показе в ту субботу он модельку одну, некую Дарью Камышову, чуть не придушил, причем чужими руками.

– Чужими руками? – переспросил я. – Подселился в чье-то тело?

– Именно, – кивнул Николай. – И, что примечательно, владелец тела согласия на такое не давал. Вернее, владелица. Я сам ее допрашивал, три раза уточнил, не называла ли она какому-то незнакомцу перед тем, как память потерять, свое имя, заработал в ее глазах, скорее всего, репутацию капец какого странного полицейского – все впустую. Нет, ничего такого. Вокруг все свои находились, суета, ор, до показа времени оставалось всего ничего. А потом – темнота. В себя пришла – кругом стало еще шумнее, чем раньше, ее семеро за руки держат, а под ней заклятая подружка Камышова сипит, хрипит, глаза пучит, за горло держится. Жуть, да и только!

– Думала, послышалось, – в кухню впорхнула Жанна. – А нет, все правильно, Дашку Камышову чуть не убили, да? И жаль, что не убили, это та еще стерва. Помню ее, пересекались мы на разных мероприятиях. Я сама, конечно, не ангел, но до нее мне далеко. Принципов – ноль! Для нее главное – первой стать, во всем, и цена вообще не важна. Да она лучшей подруге стекла толченого в туфлю сыпанула перед показом, чтобы контракт с одним модным домом увести. И главное, этого почти не скрывала, наоборот, вроде как гордилась сделанным. Ну да, мы все друг друга не любили, время от времени случалось всякое, что уж там, но вот так, не за спиной, напоказ – никогда.

А, ну да, конечно. Она при жизни ведь как раз в тех кругах вращалась. Времени прошло немного, вот она и подхватилась, услышав знакомую фамилию.

– Эволюционирует Осьмянин, как и положено, – подытожил Николай, который Жанну, ясное дело, не слышал. – Но то хорошо, что мы это сейчас выяснили, а не после, до того, как кто-то умер.

– Да почему ты решил, что это именно он? Почему не кто-то другой? Или бедняга, руками которой он модельку чуть не задушил, все же что-то запомнила?

– Говорю же, ничего она не помнит, черное пятно. А вот другая бедолага, которая не так давно прямо на подиуме с себя всю одежду сняла, а после в народ отправилась с призывами к свальному греху, вспомнила голос, который звучал в ее голове тогда, когда она себе не принадлежала. И сразу его узнала. Фигня в том, что у нее с Осьмяниным в свое время возник крепкий конфликт из-за одного небедного мужичка, близкого к миру моды, каждый из них на него свои права предъявлял. Так что спутать она ничего не могла, хотя сама в случившееся особо не верила. Списывала все на застарелую усталость и нервное расстройство.

– Слушай, я про этот случай в Сети читал. И даже фотку видел. Там еще говорилось о том, что эта модель таким поведением на показе, по сути, себе профессиональный приговор подписала. Мол, да, шокирующее поведение в этом бизнесе явление нередкое, но не настолько же?

– И она не первая, у кого карьера за последние полгода полетела ко всем чертям. Еще были истерики, падения в зал, драки с модельерами, странные откровения журналистам и так далее. Просто раньше все эти случаи носили достаточно локальный характер, потому в поле нашего зрения не попадали.

– Осьмянин, Осьмянин, – пробормотала Жанна. – Что-то очень знакомое. Глянуть бы на него.

– Коль, у тебя фотография этого подиумного злодея есть? – поинтересовался я у гостя.

У меня в досье она тоже имелась, но, во-первых, мне было лень идти за ноутбуком, во-вторых, пришлось бы делиться всей информацией с Нифонтовым. Нет, я это делаю, но дозированно, кое-что приберегая исключительно для личного пользования.

– Есть, – кивнул тот, достал смартфон и через пару секунд показал мне его экран. – Вот, смотри.

Ну, не совсем он и фрик, этот Антуан. На вид нормальный парень лет тридцати с гаком. Прическа немного странная, ну так и сфера личного применения у него была такая, в которой чем ты чуднее, тем востребованнее.

– Так это Гнус! – взвизгнула Жанна. – Точно-точно! А что, выходит он тоже скопытился, да?

– Гнус? – переспросил я у нее. – Почему Гнус?

– Потому что он такой и есть, – ткнула пальцем в экран девушка, причем после этого фотка перелистнулась, и на следующей я увидел селфи, на котором Николай находился щекой к щеке с какой-то улыбающейся девушкой, и это была не Людмила. Я его подругу-ведьму хорошо запомнил, хоть и видел ее всего пару раз, и то несколько лет назад. Просто реально красивая девушка, глаз не отвести.

– Я так понимаю, мы уже общаемся не вдвоем, а втроем? – мигом убрал телефон в карман оперативник, как видно смекнувший, что я увидел снимок, не предназначенный для моих глаз. – Верно же?

– Верно, – подтвердил я. – Тебя это не слишком смущает?

– Да нет, – изобразил на лице некую гримасу Нифонтов. – Нормально все. Просто обычно я с этими сущностями немного в другой плоскости, скажем так, сотрудничаю.

– Знаю, как ты сотрудничаешь, – язвительно процедила Жанна. – Последнюю нежизнь у таких, как я, отбираешь.

– Так почему Гнус? – повторил свой вопрос я. – Подетальнее объясни, будь добра.

– Да человек он был дрянь, жадный и подлый. А журналист, наоборот, хороший. Его колонки куча народу читала, в том числе и профи из нашего бизнеса, вот он девчонкам карьеры и ломал, писал про них разные мерзости. Мешает тебе кто-то, зашли Гнусу денег, и все, дело сделано. Не наверняка, конечно, но с высокой долей вероятности. Плюс у него всегда можно было разжиться настоящим голландским «быстрым». Половина наших у него затоваривалась.

– Чем?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/vasil-ev_andrey/grani-sumerek

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить